

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

Цена подписки:
 На 1 годъ . . . . . 6 руб.
 „ 1/2 года . . . . . 3 „
 Цена отдѣльнаго №:
 въ Петербургѣ . . . 25 к.
 „ провинціи . . . . 35 „

СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Подписчики получаютъ бесплатно всѣ изд. „Пет. Воля. Тип.“

Подписка на журналъ, а также корреспонденціи и статьи принимаются у лицъ, публикующихъ известіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Законъ экономическаго развитія общества и задачи социализма въ Россіи. — Фельетонъ. Народная молва. — Письмо С. И. Вобочова. — Новый оппонентъ (Опытъ „Вѣстнику Европы“). — Корреспонденціи. Съ фабрики Кенига. — Съ донецкой каменноугольной желѣзной дороги. — Наши домашніе дѣла. Правительственные документы. — Аресты и обыски. — Студенческія волненія. — Земство и администрація. — Татарскія волненія. — Чума. — Изъ-за границы. — Библиографія. — На свѣжую воду! (Мелкія пазѣты, замѣтки, курьезы, слухи). — Объявленія.

Въ Литовскѣ замкъ скончался въ началѣ декабря судившійся по прошлогоднему большому процессу бывшій народный учитель, изъ крестьянъ Вологодской губ., ФЕФАНЪ НИКАНДРОВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ. Извѣстіе о его кончинѣ заводало, потому что полиція держала его въ тайнѣ, и передъ смертію ему было отказано даже въ послѣднемъ свиданіи съ близкими людьми. Возмутительныя подробности этого событія сообщимъ впоследствии.

„Основная задача социально-революціонной партіи — установить на развалинахъ теперешняго государственно-буржуазнаго порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованіямъ народа въ томъ видѣ, какъ они выразились въ мелкихъ и крупныхъ народныхъ движеніяхъ и повсемѣстно присущи народному сознанию, — составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ справедливѣйшую форму общественной организаціи.“
 (См. „Рѣчь Мышкина“)

Было время, когда творить социальные перевороты считалось дѣломъ сравнительно очень нетруднымъ. Стоило устроить заговоръ, захватить въ свои руки власть и затѣмъ обрушиться на головы своихъ подданныхъ рядомъ благодѣтельныхъ декретовъ. Человѣчество считало способнымъ «познать по приказанію начальства» и провести въ жизнь любую истину. Такое воззрѣніе свойственно было, впрочемъ, не однимъ революціонерамъ. Оно вытекало изъ общаго взгляда на социальные явленія, по которому всѣ они обуславливаются волею одного или нѣсколькихъ лицъ, держащихъ «кормило правленія». Въ исторіи каждаго народа можно насчитать нѣсколько болѣе или менѣе эксцентричныхъ законодателей, мечтавшихъ перестроить страну по планамъ, выдуманнымъ въ ихъ кабинетахъ и санкціонированнымъ ихъ властью. Это было время теологическаго періода въ развитіи социологіи. Какъ въ природѣ, во время господства этого періода въ естественномъ, всѣ явленія объяснялись волею одного или нѣсколькихъ божествъ, такъ и въ обществѣ, ходъ его развитія предполагался зависящимъ исключительно отъ вліянія законодательной власти.

Развитіе болѣе правильныхъ взглядовъ на социальные явленія необходимо должно было вытѣснить вышеупомянутыя теоріи общественнаго обновленія, и только небольшая кучка революціонеровъ держится ихъ въ настоящее время.

Когда убѣдились, что исторія создается взаимодействіемъ народа и правительства, причемъ за народомъ остается гораздо большая доля вліянія, — большинство революціонеровъ перестало мечтать о захватѣ власти. Они поняли, что перевороты бывають гораздо болѣе прочными, когда они идутъ снизу. И вотъ явилось множество разработанныхъ до мельчайшихъ деталей социальныхъ системъ, которыя предполагалось пропагандировать въ массѣ, чтобы такимъ образомъ подготовить ее къ желательному для революціонеровъ социальному перевороту.

«Соціалистическіе писатели 30-хъ и 40-хъ годовъ» — говоритъ одинъ изъ талантливѣйшихъ учениковъ и популяризаторовъ Маркса — «составили, какъ извѣстно, громадное множество плановъ желательнаго въ интересахъ большинства народонаселенія кооперативнаго устройства будущаго общества. При этомъ, естественно, предполагалось, что люди могутъ по собственному желанію ввести въ употребленіе какую имъ угодно форму сочетанія труда, лишь бы она казалась имъ выгодною и разумною.»

Поскольку эти взгляды обуславливали собою измѣненіе старой формулы революціонеровъ «все для народа» въ томъ смыслѣ, что все должно быть сдѣлано посредствомъ народа, — они были шагомъ впередъ въ воззрѣніяхъ социалистовъ, но и они не отводили надлежащаго мѣста законамъ общественнаго развитія. «Забывали,» — говоритъ далѣе цитированный нами писатель — «что форму общественнаго строя нельзя придумать; нельзя и воротить назадъ, какъ невозможно перескочить изъ ремесла, помимо мануфактуры, въ фабрику, и изъ фабрики въ мануфактуру. Форма эта дается самой жизнью». А на жизнь — то социалисты 30-хъ и 40-хъ гг. и не обратили вниманія. Придуманная ими форма обществѣ считалась годною для общества, какова бы ни была его экономическая исторія; они не знали предѣловъ своей реформаторской фантазіи. Метафизическая сущность — пропаганда считалась способною измѣнять по произволу ходъ исторіи. Мысль считалась всѣмъ, жизнь — ничѣмъ. Серьезное вниманіе на тѣ элементы социальныхъ переворотовъ,

которые составляют результат предшествующей жизни общества, социалисты обратили очень недавно.

Родбертусъ, Энгельсъ, Карлъ Марксъ, Дюрингъ образуют блестящую плеяду представителей позитивнаго періода въ развитіи социализма. У автора «Капитала» социализмъ является самъ собою изъ хода экономического развитія западно-европейскихъ обществъ. Марксъ указываетъ намъ, какъ сама жизнь намѣчаетъ необходимыя реформы общественной кооперации страны, какъ самая форма производства предрасполагаетъ умы массъ къ принятію социалистическихъ ученій, которыя до тѣхъ поръ, пока не существовало этой необходимой подготовки, были безсильны не только совершить переворотъ, но и создать болѣе или менѣе значительную партію. Онъ показываетъ намъ—когда, въ какихъ формахъ и въ какихъ предѣлахъ социалистическая пропаганда можетъ считаться производительною тратою силъ. «Когда какое нибудь общество начало на слѣдъ естественнаго закона своего развитія,» говоритъ онъ, «оно не въ состояніи ни перескочить черезъ естественныя формы своего развитія, ни отмѣнить ихъ при помощи декрета; но оно можетъ облегчить и сократить мученія родовъ». Вліянію пропаганды онъ указываетъ, такимъ образомъ, предѣлы въ экономической исторіи общества. Дюрингъ, признавая вполне вліяніе личностей на ходъ общественнаго развитія, прибавляетъ, что дѣятельность личности должна имѣть «широкую подкладку въ настроеніи массъ».

Казалось бы, что научное обоснованіе социализма ничего, кромѣ пользы, для него принести не можетъ. На дѣлѣ вышло не такъ. Самъ Марксъ не предвидѣлъ, вѣроятно, какіе выводы дѣлаютъ изъ его ученія люди, которымъ нужно во что бы то ни стало поддержать существующій порядокъ вещей. Мы говоримъ о выводахъ, которые дѣлаютъ изъ его ученія наши либеральные публицисты. «Въ Россіи социализмъ! —восклицаютъ они—да самъ ересіархъ Марксъ не подпisałъ бы ему *permi de sejour* въ нашемъ отечествѣ. Вѣдь онъ признаетъ, что социалистическая продукція должна развиться изъ капиталистической, и было время въ западной Европѣ, когда останавливать развитіе зарождающагося капитала значило поворачивать назадъ колесо исторіи; вотъ почему Лассаль называетъ крестьянскія войны въ Германіи реакціонными. Россію нельзя еще называть страной капиталистической продукціи въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этому слову Марксъ. Капиталистическое производство требуетъ для своего развитія образованія класса «свободныхъ отъ всего» и «вольныхъ какъ птица» пролетаріевъ, а у насъ никакого обезземеленія мужиковъ не было; напротивъ, наши крестьяне освобождены съ землей и крестьянская община служитъ лучшимъ оплотомъ противъ развитія пролетаріата. Россія застрахована отъ язвы социализма (блаженъ кто вѣруетъ!). Законъ смѣны экономическихъ фазисовъ—есть общій законъ для всякаго общества и если нашимъ теоріямъ и сужденіямъ когда нибудь осуществиться, если социалистическую пропаганду и можно считать рациональною на Западѣ, то въ Россіи она и по Марксу несвоевре-

менна!» — Поэтому, —доскажемъ мы недосказанное въ писаніяхъ нашихъ оппонентовъ—задача русскихъ покровителей Маркса заключается въ томъ, чтобы покровительствовать развитію отечественной промышленности, измѣнить вѣковыми традиціямъ своего народа и обезземелить его, утѣшаясь сознаніемъ того, что все это необходимо для развитія социализма въ Россіи.

Что касается до русскихъ либераловъ, то имъ къ подобной двойственности не привыкать стать: известно, что они издавна имѣли одну мѣрку для Запада, другую для Россіи; что, сочувствуя расширенію правъ челоуѣка въ Европѣ, они пѣли панигирики расширенію правъ квартальныхъ надзирателей у себя дома. Наши вольтерянцы бывали нерѣдко самыми яркими крѣпостниками; либеральный другъ энциклопедистовъ — Екатерина II крестьянскими душами платила за свои египетскія ночи. Еще Денисъ Давыдовъ воспѣвалъ эту двойственность въ стихъ:

А глядишь—нашь Дафайэтъ,
Врутъ или Фабрицій
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловичей.

Но такія вещи могутъ продѣлывать только люди, въ которыхъ искренняго отношенія къ проповѣдуемымъ ими убѣжденіямъ ровно столько же, сколько его было у римскихъ авгуговъ временъ Имперіи или сколько его есть у русскихъ либераловъ временъ Александра II. Социалистамъ же, доказавшимъ не одинъ разъ, что они не отдѣляютъ слова отъ дѣла, класть мужика подъ усовершенствованный прессъ капиталистическаго производства—вовсе не къ лицу.

Посмотримъ же, къ чему обязываетъ насъ ученіе Маркса, тѣмъ болѣе, что это будетъ очень полезно намъ въ виду необходимости установить исходныя пункты нашей программы.

Общество не можетъ перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія, когда оно начало на слѣдъ естественнаго закона этого развитія, говоритъ Марксъ. Значитъ, покуда общество не нападало еще на слѣдъ этого закона, обусловливаемъ этимъ послѣднимъ смѣна экономическихъ фазисовъ для него не обязательна.

Естественно возникаетъ вопросъ: когда же западныя европейскія общества—служившія объектомъ наблюденія для Маркса—напали на этотъ роковой слѣдъ? Намъ кажется, что это случилось именно тогда, когда пала западно-европейская община. Известно, что разрушилась еще въ борьбѣ со средневѣковымъ феодализмомъ. На мѣсто общиннаго принципа, съ правомъ на землю каждаго гражданина, сталъ спачтотъ феодальный принципъ, что право на землю дается только рожденіемъ, затѣмъ буржуазный принципъ—что землей можетъ владѣть всякій, кто въ состояніи заплатить за нее деньги.

Самый серьезный кризисъ западно-европейскаго общества пережили именно тогда, когда разрушеніе общины видоизмѣнило типъ земельныхъ отношеній народа. Чѣмъ обусловилось паденіе западно-европейской общины—для насъ теперь не важно; мы статистируемъ только фактъ замѣщенія индивидуализма общиннаго принципа. Постепенно развиваясь, и

видуализмъ, по внутренней необходимости, долженъ былъ подкопать феодализмъ, съ помощью нарождавшагося капитала, научныхъ открытій и изобрѣтеній.

Феодализмъ дѣйствительно палъ подъ соединенными ударами своихъ могучихъ противниковъ; но не надо забывать, что «духъ, сообщившій этому движению жизнь, одушевлявшій эти открытїя,—былъ духъ личности, индивидуализма... Этотъ принципъ нашелъ свое политическое воплощеніе и произвелъ общественныя потрясенія—американскую революцію и французскій переворотъ» (Дрэперъ). Войдя всецѣло въ жизнь западно-европейскихъ народовъ, пропитавши собою всѣ взаимныя отношенія людей, онъ, естественно, могъ погибнуть только вслѣдствіе въ немъ самомъ выкачавшихся противорѣчій; а эти послѣднія могли выказаться во всей своей силѣ только въ капиталистической производствѣ. Сплачивая большія массы рабочихъ на фабрикахъ, создавая общіе имъ всѣмъ интересы, приучая ихъ къ той «соціализаціи труда», на которую указываетъ Марксъ, однимъ словомъ, воспитывая въ людяхъ социальныя привычки, которыя были забыты со времени паденія общины, индивидуализмъ рылъ самъ себя могилу, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что социализмъ встрѣчаетъ такой радушный прїемъ въ мѣстностяхъ крупнаго, машиннаго производства. Понятно поэтому все значеніе капитализма—этой крайней формы воплощенія индивидуализма—въ дѣлѣ подготовленія умовъ рабочихъ массъ къ воспрїятію социалистическихъ ученій. Въ обществѣ, построенномъ на принципѣ индивидуализма, но въ которомъ не существуетъ соціализаціи труда на фабрикахъ и крупная промышленность не создаетъ общихъ интересовъ рабочихъ массъ, социализмъ необходимо долженъ былъ встрѣтить гораздо болѣе холодный прїемъ. Различныя социалистическія «утопіи» появлялись и въ среднїе вѣка, но тогда социализмъ былъ исповѣдуемъ отдѣльными личностями, въ лучшихъ случаяхъ создавалъ религіозно-коммунистическія секты; массовымъ же движеніемъ онъ сталъ только теперь, въ классическое время капитализма, когда самую технику производствъ люди обязываются къ коллективизму: владѣть и работать машиной одному нѣтъ никакой возможности, и рабочіе должны владѣть ею сообща, если не желаютъ оставаться въ вѣчной зависимости отъ фабриканта.

Теперь намъ понятно, почему западно-европейскія общества не могли ни «перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія, ни измѣнить ихъ помощью декрета». Общественныя привычки не могутъ быть измѣнены указомъ, точно такъ же, какъ не могутъ дѣлать скачковъ. Измѣненіе ихъ обуславливается постепеннымъ накопленіемъ самыхъ незначительныхъ видоизмѣненій.

Намъ понятна также роль капитализма въ дѣлѣ постепеннаго сплоченія рабочихъ массъ. На Западѣ онъ дѣйствительно былъ естественнымъ предшественникомъ социализма; но мы полагаемъ, что ходъ развитія социализма на Западѣ былъ бы совершенно иной, если бы община не пала тамъ преждевременно. Самъ принципъ общиннаго землевладѣнія не носитъ въ себѣ того неизгладимаго противорѣчія, какимъ страдаетъ, положимъ, индивидуализмъ, поэтому онъ не но-

ситъ въ себѣ самомъ элементъ своей гибели. Намъ, могутъ сказать, что противорѣчіе принципа первобытной общины заключалось въ томъ, что дальше своихъ предѣловъ она ничего не видѣла, что она конкурировала со всѣми другими общинами. Но мы возражимъ, что это было скорѣе въ родовомъ, чѣмъ въ первобытно-общинномъ бытѣ. Чтобы не далеко ходить за примѣромъ, мы укажемъ хоть надронскіхъ казаковъ, у которыхъ земля находится во владѣніи отдѣльныхъ общинъ, но каждый членъ ихъ считается вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ всей казацкой области; поэтому онъ можетъ переходить изъ общины въ общину, въ какой изъ нихъ имѣя право на надѣлъ. И такая земельная и областная федерація общинъ мыслима въ любой странѣ, гдѣ общинный принципъ не искаженъ противоположными ему вліяніями. Точно также возможность общинной обработки земли доказывается тѣмъ, что, даже при теперешнихъ условіяхъ, эта общинная обработка существуетъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ общинахъ. Факты эти крайне немногочисленны; но для доказательства того, что общинное владѣніе землею, какъ оно практикуется въ первобытной общинѣ, нисколько не мѣшаетъ коллективной обработкѣ земли, достаточно было бы и одного факта, съ тѣмъ условіемъ, конечно, чтобы онъ не былъ созданъ искусственно. Итакъ, въ привычкахъ первобытной общины, какъ она существуетъ, положимъ, въ Россіи, мы не видимъ никакихъ противорѣчій, которыя осуждали бы ее на гибель.

Поэтому, пока за поземельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можемъ считать наше отечество ступившимъ на путь того закона, по которому капиталистическая продукція была бы необходимою станціею на пути его прогресса. Тенденція этого закона будетъ заключаться, напротивъ, въ пониженіи уровня социальныхъ чувствъ нашего народа, между тѣмъ какъ на Западѣ онъ былъ когда-то явленіемъ дѣйствительно прогрессивнымъ.

Откуда же эта разница въ оцѣнкѣ значенія одной и той же формы кооперации?—спроситъ, быть можетъ, читатель. Не то ли это самое, въ чемъ упрекаете вы либераловъ?—Но вопросъ идетъ не о томъ, хороша или дурна форма капиталистической продукціи сама по себѣ, а о томъ, какую форму кооперации она замѣнила собою. Если замѣненная ею форма общности была низшаго типа сравнительно съ нею—общество прогрессировало; если же капитализмъ водворился въ обществѣ, построенномъ на болѣе справедливомъ принципѣ—въ общественномъ развитіи былъ сдѣланъ понятный шагъ.

Посмотримъ же теперь, какъ развился капитализмъ на Западѣ и какъ онъ можетъ развиться у насъ. Въ первомъ случаѣ онъ являлся на смѣну кооперации; хотя и отличной отъ него, но построенной на томъ же принципѣ индивидуализма (мы говоримъ о мануфактурѣ), поэтому «соціализація труда» крупной промышленностью была положительнымъ приобретеніемъ для социальныхъ привычекъ народныхъ массъ. У насъ же капитализмъ вытѣснитъ собою поземельную общину, т. е. такую форму кооперации, которая

построена на гораздо болѣе высокомъ принципѣ. И никакая «соціализация труда» на фабрикахъ не вознаграждаетъ того положительнаго упадка социальныхъ чувствъ и привычекъ, который произойдетъ вслѣдствіе этого радикальнаго измѣненія въ отношеніяхъ народныхъ массъ къ ихъ главному орудію труда — землѣ.

Вообще, исторія вовсе не есть однообразный механический процессъ. Да и самъ Карлъ Маркъ не принадлежитъ, сколько намъ извѣстно, къ числу людей, охотно укладывающихъ человѣчество на Прокустово ложе «общихъ законовъ». Возражая Мальтусу по поводу его «Опыта о народонаселеніи», онъ говоритъ, что абстрактные законы размноженія существуютъ только для животныхъ и растений. Было бы очень непоследовательно съ его стороны отрицать существованіе «абстрактныхъ законовъ» въ вопросѣ о размноженіи человѣчества и признавать ихъ въ неравненно болѣе сложныхъ и запутанныхъ явленіяхъ развитія человѣческихъ обществъ. Выражаясь строже, надо сказать, что общіе законы социальной динамики существуютъ, но, переплетаясь и комбинируясь различно въ различныхъ обществахъ, они даютъ совершенно несходные результаты; точно такъ же, какъ одни и тѣ-же законы тяготѣнія даютъ въ одномъ случаѣ эллиптическую орбиту планеты, въ другомъ — параболическую орбиту кометы.

Итакъ, мы не видимъ основательности въ тѣхъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ заключаютъ, что Россія не можетъ мнповать капиталистической продукціи. Поэтому социалистическую агитацию въ Россіи мы не можемъ считать преждевременною. Напротивъ, мы думаемъ, что теперь она своевременнѣе, чѣмъ когда-либо, только ея исходная точка и практическая задача не тѣ, что на Западѣ. Основанія для этой разницы въ революціонныхъ приѣмахъ при поверхностномъ взглядѣ могутъ показаться не заслуживающими особеннаго вниманія; но мы думаемъ, что много «разочарованій» было бы избѣгнуто, много напрасно затраченныхъ силъ получило бы должное приложеніе, если бы это различіе въ задачахъ русскихъ и западно-европейскихъ социалистовъ было выяснено раньше.

Въ чемъ же дѣло?

Задачи социальнo-революціонной партіи не могутъ быть тождественны въ двухъ обществахъ; экономическая исторія, современные формы общественныхъ отношеній которыхъ представляютъ очень рѣзкую разницу. Если мы не хотимъ вернуться къ метафизическому социализму 30-хъ гг., мы должны признать, что максимумъ необходимыхъ и возможныхъ социальныхъ реформъ опредѣляется формою землевладѣнія и техникою землѣдѣія, если рѣчь идетъ о странѣ землѣдѣческой, — формами и техникою промышленности, если говоримъ о странѣ, въ которой преобладаетъ обрабатывающая и добывающая промышленность.

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Возьмемъ два общества, положимъ, по 50 человѣкъ. Одно изъ нихъ пусть состоитъ изъ рабочихъ ткацкой фабрики, гдѣ каждый станокъ составляетъ часть одной паровой машины. Если этимъ фабричнымъ рабочимъ надо бытъ работать на хозяина, то, какъ мы уже говорили вы-

ше, никакого другого способа владѣнія этой машиной, кромѣ коллективнаго, имѣть и придумать невозможно. Поэтому, социальнo-революціонная агитация на этой фабрикѣ можетъ и должна выставить на своемъ знамени принципъ коллективнаго владѣнія орудіями труда: техника производства создаетъ необходимую для этого коллективизма подготовку въ умахъ и характерахъ рабочихъ. Допустимъ теперь, что другіе 50 человѣкъ составляютъ деревенскую общину. Пусть въ этой общинѣ практикуется экстенсивная культура земли. Самое употребительное при такой обработкѣ землѣдѣческое орудіе — соха, съ которою, какъ извѣстно, можетъ съ удобствомъ управляться одинъ рабочій. Если эта община подвержена экономической эксплуатаціи со стороны государства или сосѣдняго крупнаго землевладѣльца, то насущною задачею революціонера будетъ устраненіе этихъ мѣшающихъ благосостоянію и дальнѣйшему развитію общины враждебныхъ вліяній; пропаганда же коллективнаго труда станетъ на очереди при замѣнѣ экстенсивной культуры земли интенсивною и первобытныхъ сохъ орудіями, по самой природѣ своей требующими кооперации всѣхъ или нѣсколькихъ членовъ общины. Когда эта община увидитъ необходимость завести, положимъ, паровой плугъ, то пропаганда коллективнаго владѣнія этимъ плугомъ будетъ несомнѣнно успешна. «L'humanité agit avant de raisonner son action», и тѣ или другія формы общественныхъ отношеній устанавливаются не «общественнымъ договоромъ», а экономической необходимостью; роковая ошибка социалистовъ 30-хъ г. г. заключалась не въ планахъ ихъ, разсматриваемыхъ безотносительно, а въ томъ, что эти реформаторскіе планы совершенно игнорировали формы современной имъ кооперации.

Искреннихъ и безкорыстныхъ друзей человѣчества всегда и вездѣ было очень и очень мало; тѣмъ съ большей осмотрительностью должны они браться за практическую дѣятельность; тѣмъ строже должны они держаться правила: прикладывать свои силы только тамъ и тогда — гдѣ и когда онѣ принесутъ наибольшую пользу.

Желательныя социалистамъ формы общественныхъ отношеній — коллективное владѣніе землею и орудіями труда — еще не имѣютъ практическаго приложенія на Западѣ. Въ формахъ капиталистической продукціи существуетъ только намекъ на нихъ. Поэтому задачи социальнo-революціонной партіи заключаются въ обобщеніи этихъ элементовъ общественнаго обновленія, возведеніи ихъ въ стройную систему и въ пропагандѣ въ массахъ.

Способъ капиталистической продукціи таковъ, что пропаганда коллективнаго труда имѣетъ столько же прецедентовъ въ техникѣ производства, какъ и пропаганда коллективизма владѣнія; даже болѣе: восприимчивость массъ къ этой позлѣдней идеѣ развивалась именно изъ факта коллективнаго труда и только изъ него.

Въ нашемъ отечествѣ дѣло обстоитъ не такъ. Россія — страна, въ которой землѣдѣческое населеніе составляетъ громадное большинство. Промышленныхъ

рабочихъ въ ней едва ли можно насчитать даже одинъ миллионъ *), да и изъ этого сравнительно ничтожнаго числа большинство—земледѣльцы по симпатіямъ и положенію. Преобладающая форма землевладѣнія въ Россіи не только не нуждается въ пропагандѣ, но составляетъ самую характерную черту въ отношеніяхъ нашего крестьянства къ землѣ, она составляетъ для крестьянина завѣтъ всей его исторіи.

Коллективный трудъ не только не служить у насъ прецедентомъ коллективнаго владѣнія, но, напротивъ, онъ самъ можетъ развиваться только изъ этого послѣдняго. Генезисъ этихъ двухъ главныхъ чертъ социалистической продукціи, какъ видитъ читатель, будетъ у насъ совершенно обратный. Мы говоримъ «будетъ», потому что теперь, по нашему мнѣнію, не настало еще время пропаганды коллективнаго труда. А не стало оно потому, что при томъ первобытномъ способѣ земледѣлія, какой практикуется нашимъ крестьянствомъ, коллективный трудъ немного измѣнилъ бы условія успѣшности труда. Тамъ же, гдѣ успѣшность труда находится въ большей зависимости отъ дружнаго, артельнаго веденія дѣла—во всевозможныхъ промыслахъ—такая пропаганда можетъ и должна имѣть успѣхъ. Но тамъ мы и безъ того видимъ всестороннее проведеніе артельнаго принципа въ отношеніи русскаго рабочаго люда; если наши промышленныя артели и клонятся къ упадку, то главная причина этого заключается во вредномъ вліяніи кулаковъ, существованіе которыхъ такъ же необходимо въ нынѣшнемъ государствѣ, какъ существованіе паразитовъ на тѣлѣ нечистоплотнаго челоуѣка. Значитъ, главные усилія и здѣсь должны быть направлены на устраненіе развращающаго вліянія современнаго государства. А оно можетъ быть устранено, только окончательнымъ разрушеніемъ государства и предоставленіемъ нашему освобожденному крестьянству возможности устраиваться «на всей своей волѣ»

Короче сказать, одно изъ требованій западно-европейскаго социализма, коллективизмъ владѣнія, составляетъ у насъ существующій фактъ; другое, коллек-

* Мы приводимъ цифры, показывающія численное отношеніе земледѣльческаго класса, съ одной стороны, и промышленнаго и торговаго—съ другой: въ Англіи, Франціи и Пруссіи:

Классы	Англія	Пруссія	Франція
Земледѣльческій	7,3 %	17,6 %	13,7 %
Торговый	3,6 %	1,9 %	4,0 %
Промышленный	22,7 %	9,4 %	10,6 %

Точной статистики распределенія населенія по занятіямъ въ Россіи не существуетъ. Если судить по численности сословій сельскихъ и городскихъ, то отношеніе будетъ таково:

Промышлен. кл.	10 %
Земледѣльцы	86 %

Распредѣливъ въ процентахъ по занятіямъ одно производительно населеніе Англіи, Пруссіи и Франціи, мы получимъ слѣдующія цифры:

Классы	Англія	Пруссія	Франція
Земледѣльческій	17,0 %	43,7 %	37,0 %
Торговый	8,3 %	6,8 %	11,0 %
Промышленный	52,5 %	25,6 %	28,4 %

(См. „Сравни. статист.“ Янсона, 98—106 стр.)

Эти цифры указываютъ на громадную разницу въ хозяйственномъ складѣ Россіи и главныхъ европейскихъ странъ—разницу, имѣющую громадный интересъ для всякаго практическаго дѣятеля въ Россіи.

тивизмъ труда, не имѣетъ подъ собою почвы въ тѣхъ русскаго земледѣлія.

Такимъ образомъ, мы а priori пришли къ тѣмъ же практическимъ задачамъ, которыя ставили себѣ титаны народно-революціонной обороны: Болотниковъ, Булавинъ, Разинъ, Пугачевъ и другіе.

Мы пришли къ «Землѣ и Волѣ».

Но тѣмъ самымъ центръ тяжести нашей дѣятельности переносится изъ сферы пропаганды лучшихъ идеаловъ общественности на созданіе боевой народно-революціонной организаціи, для осуществленія народно-революціоннаго переворота въ возможно болѣе близкомъ будущемъ.

Практика 1873—75 гг. привела большинство не зараженныхъ доктринерствомъ революціонеровъ къ тѣмъ же выводамъ. Вотъ что говорилъ одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей тогдашняго движенія, Мышкинъ, передъ особ. присутствіемъ правительственной сѣнату, 15 Ноября 1877 г. «Наша практическая задача—говорилъ онъ—должна состоять въ сплоченіи, въ объединеніи революціонныхъ силъ, революціонныхъ стремленій, въ сліяніи двухъ главныхъ революціонныхъ потоковъ: одного, недавно возникшаго и проявившаго уже достаточную силу—въ интеллигенціи, и другого, болѣе глубокаго, болѣе широкаго, никогда не изсякавшаго потока—народно-революціоннаго!»

Въ слѣдующихъ №№ мы постараемся показать, какія данныя существуютъ въ нашей исторіи и современной дѣятельности для созданія революціонной организаціи; теперь же мы желаемъ предупредить одно очень вѣроятное возраженіе. Трудно строить практическую программу—скажутъ намъ—на основаніи земельныхъ отношеній, которыя не сегодня-завтра могутъ быть разрушены правительственными распоряженіями. Извѣстно, что правительство начинаетъ выказывать большую склонность къ введенію участковаго землевладѣнія; а когда оно будетъ введено, русскій народъ станеть на слѣдъ того закона, по которому только капитализмъ можетъ привести его къ социалистической общинѣ.—Это не совсѣмъ такъ. Введеніе той или другой формы коопераціи важно по тому вліянію, которое оказываетъ она на измѣненіе народныхъ привычекъ. Что кореннаго измѣненія народнаго характера нельзя ожидать тотчасъ же за паденіемъ общины—эту вполне понятную и а priori мысль доказываютъ нѣкоторые факты изъ жизни Малороссіи. Вліяніе чуждой имъ польской культуры разрушило ихъ поземельную общину уже нѣсколько вѣковъ назадъ. Между тѣмъ, надѣлавшее столько шума «чигиринское дѣло» началось именно изъ-за стремленія крестьянъ ввести у себя общинное землевладѣніе. Такихъ фактовъ, конечно, немного, но они доказываютъ, что кореннаго измѣненія не произошло и тамъ. А покуда «настроеніе» народныхъ массъ останется такимъ же, какъ теперь, наша программа не нуждается въ измѣненіи.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

НАРОДНАЯ МОЛВА. *)

„Колн колоколъ гудитъ, такъ и службѣ бытъ!“—оборвалъ меня одинъ пахарь-лапотникъ, когда на всѣ доводы его о предстоящемъ переделѣ земли я отвѣчалъ полнѣйшимъ недоверіемъ. Помню—это было года три назадъ, въ одно изъ моихъ скитаній по району густонаселенной черноземной полосы: земли тутъ мало, аренда высокая, а отъ стороннихъ заработковъ, сказывающихъ хоть какую-нибудь поддержку крестьянству въ другихъ мѣстахъ, здѣшнему пахарю остается, по его мѣткому выраженію, ни больше, ни меньше, какъ „чирей, да болячка, да третій горбъ“. Казна же—ну она и здѣсь, какъ и вездѣ, разумится, спуску не даетъ. Поборы духовенства иррадъ ли гдѣ иныя здѣшнихъ: за свадьбу, напр., эту часто экономически-необходимую сдѣлку въ быту крестьянства, берутъ не меньше 12 и 15 руб.; берущихъ меньше сосѣди поны обвиняютъ уже въ желаніи лебезить передъ крестьянами, въ подрывѣ ихъ авторитета, а значитъ и „основъ“. Кулачество, обусловливаемое двумя предшествующими явленіями, привило тутъ какъ нельзя лучше. Живеть тутъ, словомъ, крестьянскій людъ попелитъ голодный, а межъ тѣмъ, сосѣдніе десятитысячные участки разныхъ князей, кулаковъ и другихъ проходившихъ—являются для него кускомъ дѣйствительно понадимымъ, и потому—вѣчно мучительнымъ вопросомъ. Понятно, поэтому, съ какой загнанной радостью выслушиваетъ онъ всевозможные рассказы о своей судьбѣ и особенно о „переделѣ“ и съ какой глубокой вѣрой онъ отстраняетъ ихъ. Впрочемъ, таково ядъ почти таково положеніе крестьянства во всей Россіи, и повсюду, поэтому, вы услышите ту-же непоколебимую увѣренность въ необходимости передела. Приходится выслушивать по этому поводу отъ нихъ иной разъ замѣчательно поучительные аргументы—что и было недавно съ однимъ моимъ знакомымъ, случайно разглагольвавшимъ роль барина.—„Знамо дѣло“, поучилъ его тверитяне-плотникъ, „вакъ братъ баринъ и двѣ воли (61 г.) величался и говаривалъ, что ипкакой-де мужицкой воли не будетъ, что ее тогда развѣ дадутъ, когда съ камня мыки будутъ драть,—ну вотъ мыкъ-то съ камня и не драли, а волю все-таки дали!—то-же будетъ и съ землей!“, добавилъ онъ.

Подождемъ, волю точно что дали, да крестьянамъ-то она пришла далеко не по вкусу; тутъ именно: „просимъ покорно, вступая на горло“. Потому-то въ одномъ изъ имѣній, напр., крестьяне, какъ сообщали „Моск. Вид.“, не отбывали, а „отбивали“ повинности. Нѣкоторые хохлы были такъ порадованы этой самой волей, что слова манифеста: „О сѣбѣ и себя крестьянъ знаменіемъ“ и пр.—постояли такъ, что теперь дана не настоящая воля, а настоящую дадутъ въ „осени“ и мн. др. Крестьяне не понимали воли безъ земли, на которую имѣли полное право, какъ люди, столько лѣтъ показывавшие это (см. „Рус. Сл.“ 61 г. № 6, Серпо-Солов.: „Окончат. рѣшеніе прест. вопр.“ и др.). То-же говоритъ и бывший прокуроръ Семеновъ, имѣвший по этому поводу цекотливый разговоръ съ своимъ крестьяниномъ въ Рязанской губ. (Рус. Арх. 74 г., № 8). По той же причинѣ, крестьяне часто соглашались на иппенскіе надѣлы (безземелья) въ полной увѣренности, что скоро земля достанется имъ безданно-безпоминно. Наконецъ, рѣчи Александра II—во время его поѣздки по Россіи—къ выборнымъ крестьянамъ о томъ, что никакой другой воли не будетъ (см. газ. „Мировой посред.“), имѣли въ виду также невѣрное пониманіе воли 19 февраля. Штукки, однако, заставили крестьянъ принять и то, что давали: но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы они помпраны съ своей участью, и слухи о „повомъ переделѣ“, ходящіе теперь по всей Россіи, ясно доказываютъ это.

Трудно, однако, было крестьянину помпраниться съ мыслью, что такую шутку откололъ съ ними самъ царь—существо, по ихъ вѣрнѣю, справедливое и милостивое,—и вотъ всю вину, по старинѣ, они свалили на баръ и подкупленныхъ имъ поповъ. И это было совершенно естественно, потому что недоверіе къ барамъ проходитъ чрезъ всю исторію крестьянства; оно было причиною массы волненій, и существованіе его долженъ былъ признать даже Ланскій въ своей всеподданнѣйшей запискѣ (Рус. Арх., 69 г.). „Земля-то—развивалъ мнѣ одинъ привольскій крестьянинъ—вся должна была Лерейги еще въ 61 г. за бездѣнокъ къ мужикамъ, да царя, вѣшь, надули. Еще до Севастопольской кампаніи задумалъ онъ дать намъ и волю, и землю; узнавши отъ сенаторовъ, что предки ихъ покупали землю не больше какъ по рублю за десятину, онъ думалъ отобрать ее и передать за ту-же цѣну намъ: даромъ вѣдь земля никому не

давали и наши господа ежегодно отсылали въ казну сколько съдѣвало (такъ, очевидно, смотрѣлъ рассказчикъ на подушныя). Но все дѣло испортила война: царя-то отозвали въ Крымъ, а сенаторы тѣмъ временемъ успѣли подочистить бумаги, а когда онъ, вернувшись, хотѣлъ уже съдѣлаться съ ними окончательно—завили, что землю брали, вѣшь, не по рублю, а несравненно дороже; вотъ поэтому-то мы и начали платить за свои надѣлы по 6 да по 8 р., а за аренду не хочешь ли отдать и всѣ 15! Ну, да этому уже болѣ не бывать!“ добавилъ онъ (почему—я скажу дальше):

Передамъ еще одинъ рассказецъ, „указывающій на то-же безграничное недоверіе. „Эхъ, любезный“,—говорилъ мнѣ крестьянинъ изъ сѣверо-западной Россіи—„кабы не бояре, да было бы у насъ было по 10 десятинъ земли и податей не въ примѣръ меньше,—да онъ то, злые вороги, всему дѣлу вина! Видѣть самому царю наше житье горемычное, знамо дѣло, не доводится,—пу, а онъ у него—что прикажили, надо всѣмъ поставлены и обо всемъ ему допустить, да доносить-то и вкривъ, и вкось. Вотъ хотѣли недавно—„узбыхались“ это самые наши бояре по деревнямъ собрать всякую что ни на есть лучшую крестьянскую худобу: и скоть-то, и упряжь, и орудія, и даже нашу праздничную одежду, да што: коли кто выдумалъ спомнѣ мужицкимъ умомъ что—и то тащи въ городъ: награда, дескать, будетъ! Только мы сильно крѣпились давать-то, а почему?—потому, любезный ты мой, что бояре, собравши все это въ кучу, и покажутъ царю: смотри, молъ, царь-батюшка, какъ мужики-то живутъ да работаютъ: и скоть то у нихъ, и одежда, и все какъ должно,—да по жалеваютъ: и скоть то у нихъ, и одежда, и все какъ должно,—да и народъ, притомъ, не глухой и на выдумки всякія мастакъ (лихой мельникъ тутъ у насъ завелся, пу, и его потянули). Такъ-то! да вотъ и еще былъ тоже случай: начали бояре поговаривать, что слѣдуетъ-де мужикамъ заняться льноводствомъ, потому—доходу отъ него страсть: не огребешься; а коли къ обработкѣ непривычка—порѣшили въ городѣ завести машину. (Ленъ-то, надо сказать, сѣять на мужицкой землѣ куда несподручно: она и рожь плохо родитъ—выпахана больно; вотъ и пришлось бы брать у бояръ лядиши—имъ же только то и пужно). [Понятно.] Пока же—падумали они узнать, сколько льну засѣвали мужики прежде (завѣстно, для домашняго обихода), на какой землѣ и каковъ урожай, каковъ зенъ—трепаній или петрепаній и мн. др.; а собиравъ, общалъ, сказывавъ, отдавалъ землю подъ зѣть не въ примѣръ дешевле, чѣмъ пою до другое. Понятно, что мы на все это ни гу-гу, потому—опять же дѣлаютъ они это для показу: забоятся-де о насъ,—передъ царемъ, значитъ. Ну, да и мы тоже не нынче родились—знаемъ, что когда-нибудь этому будетъ конецъ; къ тому же и сами болришки-то наши чуютъ это: у насъ одинъ уже выдумалъ недавно продать землю крестьянамъ въ расрочку, чтобы, значитъ, хоть что-нибудь получить за нее (то-же онъ дѣлалъ передъ „волей“, позволивши выкупать всѣмъ и каждому изъ крѣпостныхъ), да онъ не согласился—потому, все одно, она скоро будетъ нашей и такъ!“ Такъ понимаютъ крестьяне самыя лучшія затѣи нашихъ либеральныхъ земцевъ, и такъ относятся они и вообще ко всему, что бы ни приходило отъ бояръ. „Жизъ такъ дальше нельзя!“—слышится повсюду, и вотъ-вотъ, говорятъ одинъ, царь все измѣнитъ: во многихъ мѣстахъ уже назначены и сроки передела; чаще всего можно слышать, что это должно случиться именно теперь, послѣ означенной войны. Что касается ближайшихъ поводовъ къ этому, то они часто очень оригинальны. „Засѣдалъ это разъ сенатъ; вотъ и входитъ туда зачѣмъ-то Насѣдникъ, да не въ своемъ, а въ папенкиномъ мундирѣ“, продолжалъ вышеупомянутый привольскій крестьянинъ свой рассказъ. „Только-нго вошелъ это онъ, а сенаторы-то и набросились на него: по какому-же это ты ирраву явился-то сюда въ царскомъ мундирѣ?—нѣтъ, братъ, не годится такъ своевольничать: сначала заслужи, а тамъ и надѣвай; молодъ еще на наши порядки-то плевать! Ну, и загадѣли; порѣшили даже составить „ахтъ“. Да вѣшь, на шумъ вошелъ самъ Лександра царь. Сенаторы тотчасъ-же объяснили, какъ и почему поднялся у нихъ такой гвалтъ. Выслушавши ихъ, царь больно опечалился и сказалъ: и охота-же вамъ изъ-за этого поднимать такую голавню-то: ну, скажили бы выгъ, а я по домашнему пожурилъ бы сына—тѣмъ все бы и кончилось. А то, вѣшь, ужъ и „ахтъ“ составили—нельзя-же такъ!—Нѣтъ, ваше императорское величество, ужъ коли онъ и при вашей жизни не блюдетъ нашихъ порядковъ, что же будетъ послѣ? допустить этого мы никакъ не можемъ!—Слушалъ, слушалъ все это Насѣдникъ, да пакоонецъ и заговорилъ: Такъ и ты, папенка, за нихъ! Хорошо-же! А что, го по а сенаторы, вы какъ—жалованье-то за службу получаете?—Точно такъ, ваше высочество!—Ну, а землю имѣете? и если они имѣютъ, то какъ она досталась ему?—Да, имѣемъ, отбывали тѣ; а досталась она намъ отъ предковъ по насѣдству.—Такъ: а какъ вы полагаете, господа сенаторы, что у насъ, на Руся—напр., хотъ въ мужицкомъ или купецкомъ быту—имѣетъ ли право сынъ носить одежду отца при жизни его и по смерти, али нѣтъ? Тѣ отбывали ему, что у насъ всегда такъ бываетъ. Такъ какъ же вы полагаете, господа сенаторы, ужели мой покойный дѣдушка али папенка не заслужили для меня мундира и ужели я не имѣю права на

*) Слышано все илн мною, или товарищамъ, которымъ я безусловно сообщую. Ю.

дѣть мундиръ папеныки? По вашему выходитъ—нѣтъ. Ну, коли такъ, то и вы сначала заслужите землю, а потомъ и выдадите ея; тогѣ же, кому досталась земля по наследству, отнынѣ навсегда ея лишитесь! Съ тобой-же, папеныка,—обратился онъ къ Лександру—мигъ пужно переговорить кое о чемъ насчетъ,—взявъ его за руку и вышелъ вмѣстѣ въ сенатъ. И вотъ, братецъ ты мой, продолжалъ разсказчикъ, вышло съ тѣхъ поръ новое положеніе, по которому всякій, кто бы онъ ни былъ—царскій-ли сынъ, панскій-ли, или крестьянскій—все едино, долженъ прослужить сначала въ военной службѣ, и тогда уже вправѣ пользоваться землею (пописная повинность). Теперь всѣ, кто вернулся съ этой войны, получаютъ по 10 десятинъ на брата—это ужъ вѣрно: прямо паши панскую землю—и это слова не скажешь! Убѣжденіе это распространилось и между вернувшимися съ войны солдатами: одинъ, напримеръ, убѣждалъ въ этомъ одного моего знакомаго, одѣлаго по барски: Другой силъ доказать то же недоброму жельзнодорожному жаждарму, съмысливъ на то, что онъ въ Питерѣ самъ видѣлъ бумагу объ этомъ. Въ пѣтигорскихъ мѣстахъ мотивируютъ передѣль тѣмъ, что этого будто погребовалъ отъ царя Скобелевъ—самъ капитанскій (слышалъ отъ монаха). Поговариваютъ иной разъ, что передѣль сдѣлаетъ Константинъ, когда взойдетъ на престолъ. — «А какъ полагаешь, Иванычъ, обратился однажды пріятель-крестьянинъ къ моему знакомому, отчего это турки раздѣиваютъ нашихъ, что называется на чистоту?» — «Потому, объяснялъ ему тотъ, что начальство наше глупо и притомъ воръ воровъ погоняетъ и пр.—Нѣтъ, не то говоришь ты, перелѣлъ его мужицкѣ, съмысливаютъ, што Константинъ, вишь, туркамъ передается и идетъ войной на брата: вотъ житье-то настанетъ нашему брату—вѣдь онъ, сказываютъ, и есть настоящій, мужицкій царь!» (См. также: «Лжедмитрій» Мордочена). Говорятъ еще, что землю дастъ какой-то царь Михалычъ, который съ новаго года займетъ престолъ Александра, потому что тотъ самъ, будто, откажется отъ него. Довелось разъ слышать мнѣ на югѣ, что отъ земли откажутся сами бары, и потому, будто, что теперь вышло новое положеніе, по которому съ каждыхъ ста десятинъ помѣщичьи обязанности поставятъ по рекрутѣ—такъ откуда же имъ набраться денегъ на это? — ну, и мѣлочно откажутся отъ земли; передавалъ же это мнѣ большой человекъ, здѣшній князь Х.» — добавилъ разсказчикъ.

Однако надежды на милостивый передѣль существуютъ только въ известной части русскаго народа и, преимущественно, въ самой обездоленной и забытой. Тамъ же, гдѣ были случаи убійства по опыту, что интересы крестьянства игнорируются царемъ, о надеждахъ на него не можетъ быть и рѣчи. Всякому, близко стоявшему къ народу, известно напримѣръ, что тамъ, гдѣ посылалъ къ царю ходоконъ, и гдѣ, разумѣется, кромѣ напрасной траты и путешествія по этапу этихъ послѣднихъ, ничего не выходило, — народъ съ явной злобой относится ко всѣмъ слухамъ и надеждамъ на милостивый передѣль. Мнѣ однажды пришлось стать въ такое неловкое положеніе у тверскихъ удѣльныхъ крестьянъ, приводившихъ въ доказательство безплодности обращеній къ царю опытъ не только свой, но и крестьянъ одной изъ мѣстностей Калужской губ. Нечего и говорить, что въ промышляемыхъ центрахъ, вообще въ бойкихъ мѣстностяхъ, у людей былыхъ царь навсегда утерять свое обаятельное значеніе, вслѣдствіе большаго знакомства съ житьемъ его и двора. Петербургскіе и московскіе визитчики много помогаютъ этому. Искальбичные солдаты также разносятъ компрометирующие слухи по всей Россіи; особенно помогла и поможетъ въ этомъ отношеніи послѣдняя война, въ которую нашимъ солдатамъ достаточно пришлось насмотрѣться на невозможная жульническія продѣлки начальства, прикрываемыя августѣйшими особами; по словамъ, напр., одного изъ солдатъ, Константинополь только и не былъ взятъ потому, что Числовой, содержанкѣ Ник. Ник., было поднесено султаномъ драгоценное ожерелье.

Вмѣстѣ съ потерей такой вѣры, крестьяне впадаютъ въ какое-то мрачное отчаяніе, или дѣйствительно берутся за умъ. Въ одной, напримѣръ, мѣстности распространилось убѣжденіе, что коли и послѣ войны не будетъ передѣла, то прямо слѣдуетъ приступить къ (слышалъ отъ торговцевъ и притыхъ крестьянъ) о возвращеніи Пугачевщины и времени Разина; странники и монахи предсказываютъ какое-то междоусобное кровопролитіе, долженствующее произойти въ 1880 г., во время котораго будетъ перебито много народу, а между оставшимися все имущество будетъ подѣлено по-ровну. Во многихъ уже мѣстахъ начинаются систематическіе поджоги помѣщичьихъ усадебъ, которыми думаютъ добиться тѣхъ или иныхъ результатовъ; приведу здѣсь одинъ изъ образцовыхъ примѣровъ такой борьбы крестьянства. У одного помѣщика крестьяне сѣли на даровой надѣль, а пока—до новой воли, принажили землю у него же. Въ первые годы дѣло шло сполна, но затѣмъ недоразумѣнія между управляющимъ имѣніемъ и мужиками начали возникать все чаще и чаще и наконецъ—послѣдніе пустили краснаго пѣтуха: все имѣніе до тѣхъ сгорѣло. Но скоро на мѣстѣ старыхъ плетневыхъ построекъ возникли новыя, крытая тесомъ, уселенъ былъ надзоръ, а притѣс-

ненія возросли пропорціонально укрѣпленію. Земля и дѣсь обнесены были межами и рвами, за предѣлами которыхъ брали штрафъ. Дѣлать было нечего—и крестьяне вынуждены были спать имѣніе въ второй разъ. Снова обстроились наги помѣщикъ и еще надежнѣй—камень да желѣзо, да еще и застраховалъ все. Однако и въ третій разъ спалили, засунувъ какой-то воспламеняющійся матеріалъ въ снопы, предназначавшіеся для сушки въ овинахъ. Управляющій подвергся было горькой участи, такъ какъ флигель, въ которомъ онъ жилъ и находился въ то время, былъ запертъ и подожженъ. Затѣмъ спалили еще 112 скирдъ хлѣба, обладанныхъ дѣло такъ, что страховое общество было избавлено отъ уплаты стоимости погорѣвшаго. Согласилось оно принять хлѣбъ, видѣнъ-ли, только по условіямъ, чтобы разстояніе между скирдами было менѣе 10 сажень; мужики, узнавши объ этомъ, кляли хлѣбъ такъ, что скирды были другъ отъ друга въ 9—9½ саженьяхъ, для чего работали даже по ночамъ, чтобы измѣнить то, что было сдѣлано днемъ. Обозлившіи въ концѣ помѣщика и вздумавъ онъ воздвигнуть цѣлое укрѣпленіе, а крестьянъ наказавъ отказомъ отъ работъ, замѣнивъ ихъ рабочими изъ другихъ мѣстъ. Но первое крестьяне обману тѣмъ, что подали заявленіе губернатору о таковомъ угнетеніи, угрожа стертъ помѣщика съ лица земли, если имъ не помогутъ; что же касается найма рабочихъ, то они по опыту знали, что мѣра эта имъ не страшна, и вотъ почему. Солидарность этихъ 3,000 душъ была удивительная; о виновникахъ пожаровъ, напр., никогда не могли собрать ровно никакихъ свѣдѣній: всѣ тутъ глѣзъ подъ одну дудку—и свои ли пришло. Передававшій мнѣ разсказъ мордвинъ изъ другой губерніи поспыталъ это на себѣ. Напавшись въ это имѣніе жанишникомъ, онъ въ то же время обязался нести ответственность за цѣлостъ умятотъ; но съ перваго же дня убѣдился въ невозможно-ти этого. Рабочіе тащили безъ всякаго зазрѣнія все, что попадалось подъ руку, а на заявленіе его, что онъ не можетъ допустить такого воровства—ему напомнили, что съ волками жить—такъ или по волчьимъ вѣтъ, или съ дѣду быть. Онъ однако не вразумился этимъ и донесъ управляющему, который, снабдивъ его должными на этотъ счетъ разъясненіями, вручилъ ему, на всякій случай, револьверъ. Пустить въ ходъ это усовершенствованное орудіе, пригодное, какъ видите, и въ быту нашихъ помѣщиковъ при эксплуатациіи труда, ему не пришлось, такъ какъ въ одну ночь онъ былъ схваченъ пѣсколькими джанишаринами, забитъ и отпущенъ съ условіемъ—или жить по половичцѣ, или убраться на всѣ на четыре. «Народъ дошлый, что и говорить!—закончилъ разсказчикъ—тягаться съ такими не руга, ну—я и подалъ оттуда.» Насколько справедливъ этотъ фактъ—ручаться не могу, но шикто изъ слушателей (дѣло было на волжскомъ пароходѣ) не возражалъ на него. Кромѣ системы поджоговъ, начинаютъ организовываться союзы, подобныя прандскому рыбобменству; но распространяться объ этомъ, какъ и вообще о подпольной работѣ крестьянства, не дѣло этой статьи, да и писать-то объ этомъ не статья.

Передамъ, подъ конецъ, два очень характеристичные разсказа, указывающіе на повсемѣстное распространеніе слуховъ о передѣлѣ. Первый касается уральскихъ казаковъ и слышанъ мною на Волгѣ отъ поронжескаго мужика, возвращавшагося изъ Сибири, куда былъ посланъ своей округой для развѣдки относительно вольныхъ земель. «Такъ-то, любезный!—продолжалъ онъ свой разсказъ—всю Сибирь исходилъ, да и тамъ нѣтъ даровой земли нашему брату. Прошло ужъ болѣе года, какъ я вышелъ изъ дому; искарчился, продалъ по поводу, нестративъ всѣхъ дѣнѣгъ, данныя по приговору пѣсколькихъ сотъ человекъ, и теперь не знаю, что и сказать своимъ. Подлинно, что шукавъ, шукавъ—не найшовъ, тай заплакавъ, тай пішовъ! Одна только у меня надежда, что слова одного изъ станицныхъ атамановъ дѣйствительно сбудутся. Видишь-ли, когда мы ворочались назадъ, въ одной изъ станицъ пришлось разговориться съ атаманомъ; наговорившись вдоволь о нашемъ и своемъ житьѣ-бытьѣ, онъ и сказалъ намъ на прощанье: „все равно, братцы,—хоть домой идите, хоть тутъ оставитесь, а раньше Семена для земли вамъ не получить (1 сентября 1877 г.). Послеъ же вся земля отъ баръ да и отъ насъ будетъ отобрана и раздѣлена поровну между всѣмъ мужскимъ населеніемъ Расенъ“. На мое замѣчаніе о томъ, что врядъ ли казачьи земли будутъ отобраны, такъ какъ тѣ были ихъ своею кровью,—онъ отвѣчалъ утвердительно, и въ доказательство привелъ разсказъ о высылкѣ въ Сибирь уральцевъ. „Дѣло это было такъ: прѣхалъ прошлою осенью (76 г.) на Уралъ Насѣдникъ и, собравъ казачій кругъ, обратился къ нему со слѣдующей рѣчью: „Служилъ вы, храброе уральское воинство, моимъ предкамъ, служите моему родителю, послужите когда нибудь и мнѣ. Ваша вѣрная служба не забывалась нами: въ награду вамъ отдана была Уралъ и множество земель со всѣми угодьями. Это было уже давно; тогда вы охраняли границу Россіи, которая теперь отодвинута неслучайно далѣе; народу на Руси тогда было мало, и потому такая награда за ваши труды была вполне справедлива. Но теперь времена совсѣмъ не тѣ: граница Россіи отодвинута въ Сибирь, а народу въ Россіи расплодилось такъ много, что и земли-то у насъ съ

Где-то не хватает для него. Поэтому, мы порѣшили измѣнить старинные порядки, и прежде всего отобрать землю у баръ, купцовъ, а также у васъ и у Донцевъ, и раздѣлить ее поровну между всѣми. Значитъ, и вамъ придется столько-же, сколько и другимъ, если вы пожелаете остаться здѣсь. А коли это вамъ не по нраву, то можете выселиться на границу, гдѣ вамъ будетъ отведено столько же земли, сколько и теперь имѣете. Ну, знаемъ, что не по вкусу при- нимаютъ эти слова казацеству; поднялся шумъ и крикъ и одинъ изъ нихъ, набоявнѣйшій, закричалъ: Наслѣднику, что не бывать этому, такъ какъ земля дана намъ на вѣки вѣчные. Наслѣдникъ, однако, настаивалъ и напомнилъ имъ, что такова воля царя, и если они не пожелаютъ исполнить ее добровольно, то ихъ выселятъ насильно, — сказалъ это; повернулся и ушелъ изъ круга. На другой день вышла цѣлая баталія: казаки расходились не на шутку, обозвали даже Наслѣдника мошкосою. Ну, ужъ этого послѣднѣй не выдержалъ, вспыхнулъ ужасно, ухлялъ изъ Питеръ и донесъ обо всемъ царю, — а вслѣдъ за тѣмъ, вышелъ приказъ: сослать всѣхъ зачинщиковъ въ Сибирь; остальнымъ же было заявлено, что имъ не мновать того же, если не покорятся волѣ царя. — Такъ-то своеобразно объясняютъ крестьяне выселение уральцевъ, — въ основъ котораго лежатъ, по ихъ мнѣнью, все тотъ-же „передѣлъ“. Проѣзжая въ этомъ году по Дону, гдѣ въ данное время происходитъ очень серьезное движеніе (всѣмъ насолал!), мнѣ пришлось слышать много интереснаго. Самы донцы великолѣпно понимаютъ свое положеніе: ихъ ничѣмъ не убѣдишь, что мѣры, предпринимаемыя земствомъ, дѣйствительно клонятся къ ихъ пользѣ, такъ какъ самое земство, по ихъ мнѣнью, есть выдумка баръ и притомъ — способъ для „омужиченія“ ихъ. „Что тутъ толковать, когда намъ хорошо извѣстно, что всѣ эти земцы живутъ на наши деньги; спроси любого, кто, напр., былъ хоть Х, запимающій теперь мѣсто мпрового промотавшійся въ пухъ нашъ забудыга-офицеръ — не больше; а нѣшто неизвѣстно, чѣмъ были В, С, М, теперь получающіе тысячи оклады! Да ужъ и не первина это, братецъ ты мой, — ловко тоже обманъ насъ помѣшники, захвативши въ полную собственность десятки тысячъ верской земли; теперь они начинаютъ обмежевывать наши лѣса, а скоро отберутъ и всю землю, оставивъ десятинъ по восьми на брата — не больше“. Убѣжденіе казаковъ въ этомъ непоколебимо, и выпадки наставленія, образованныхъ, мягкихъ межевщиковъ, какъ совѣтуютъ газеты — не помогутъ. Заговаривалъ я и съ крестьянами о таковомъ положеніи казаковъ; они также думаютъ, что послѣднихъ приравниють къ нимъ, но причина этому, по мнѣнью ихъ, другая. — „Ниче, любезный, и казакамъ-то приходитъ карачунъ. Царь имъ за послѣднюю войну остался очень недоволенъ и потому, именно, что донцы, вѣшь, измѣну оказали. Што за диво, думаетъ царь, и отъ чего-бы это турки числятъ такъ нашихъ: вѣдь и припасовъ, кажется, довольно, и войска-то наши не хуже турецкихъ. Думай, думай и пришло ему на умъ: семь-то поштаго, ужъ нѣтъ ли тутъ какой измѣны. Вотъ и приказалъ онъ Наслѣднику передѣлаться туркой и въ ночь отправиться на развѣдку; а цѣпь-то въ этотъ день держалъ казакъ. Ну, когда совѣтъ стемнѣло, погасли огни въ лагерѣ, Наслѣдникъ и подождать — будто изъ турецкихъ сторожевыхъ — къ одному изъ казаковъ. Побалакавши о томъ, о семъ, начинаетъ онъ жаловаться на свое плохое положеніе, на недостатокъ орудій, припасовъ и-пр., а прощася и говоритъ ему: „а что, кунакъ, много вамъ жалованья идетъ, али нѣтъ?“ — Какой чертъ — навѣрно вернешся съ пустыми карманами домой, коли самъ стороной не раздобудешь! „Э! братъ, говоритъ Наслѣдникъ, у насъ на этотъ счетъ куда лучше: вотъ хоть у меня — денегъ-то киса во кака! Хоть, землячекъ, заработать, али нѣтъ? и работа-то не трудна: стащи, землячекъ, въ оврагъ боченка два пороху, и получишь все, что тутъ есть.“ — Ну, за это не хочешь-ли куда подальше, отвѣчалъ ему казакъ, эти-то штуки и у насъ даромъ не проходятъ! Однако, переговоривши съ сосѣдомъ, который оказался помятѣй его, живо дѣло обладили: тотъ сбѣгалъ къ офицерамъ, а эти только золото потребовали впередъ — и на слѣдующій день порохъ былъ переданъ. Опечалился Наслѣдникъ, передалъ обо всемъ отцу и загрузили они сильно. Давай-ка, надумали однако, попытаемъ теперь мужиковъ (такъ простонародъ величаетъ солдатъ при сравненіи ихъ съ казаками). Но на этотъ разъ Наслѣдникъ едва и ночи улодокъ! Только-што подошелъ онъ къ цѣпи солдатъ, какъ его послали во всѣмъ чертамъ, а едва закинулся онъ о сдѣлѣ, подобной предшествующей, какъ часовой бросился на него, избилъ его, съ подосѣвшимъ товарищемъ, до покусмерти — не смотря на то, что мнѣнный турокъ назвался уже дѣйствительнымъ пленемъ — и вмѣстѣ съ нимъ оттащили турка въ палатку офицеровъ, пришедшихъ въ ужасъ при видѣ обезображеннаго Наслѣдника. Онъ же, какъ только оправдася, тотчасъ-же сѣлъ крестъ съ одного изъ генераловъ и повѣсилъ его на грудь солдату, а товарища наградили еще какою-то медалью. Затѣмъ отправился къ царю и, передавши ему все, какъ было, тогда же порѣшили: какъ только окончится война, отобрать въ наказаніе у казаковъ землю и передать ее за вѣрность крестьянамъ“.

Этимъ расскажемъ я закончу свое сообщеніе слуховъ, ходящихъ въ народѣ; привелъ я только самые характерные изъ нихъ. Тутъ много наивнаго, но только съ нашей точки зрѣнія, читатель; для народа же все это не подлежитъ сомнѣнію: во имя этого онъ сложитъ голову, какъ уже складывалъ не разъ. Стоять только припомнить волненія по поводу слуха о томъ, что съ прекращеніемъ обязательной службѣ дворянъ (1862), прекращаются и обязательныя отношенія къ нимъ крестьянъ, — о волненіяхъ при Павлѣ Імъ изъ-за молвы, что дворяне мѣшаютъ царю дать волю крестьянству, — о бунтѣ военныхъ поселенъ изъ-за того, что будто-бы чума есть результатъ отравы воды барами и что самъ царь приказалъ за это уничтожать начальство, — объ избѣннѣ по той-же причинѣ всего вышшаго начальства въ Севастополѣ (1830), — о саратовскомъ Лисконстантинѣ, — и наконецъ вспомните громадное движеніе крестьянства югозападной Россіи въ 1835 г. (От. Зап. 1833 г., № 4) изъ-за слуха, пущеннаго въ ходъ дьячкомъ, не понимавшъ одной старой грамоты, — и вы поймете какаія слухи въ нихъ и какии вѣрными показателемъ народнаго настроенія служатъ они. Наше правительство хорошо это понимало, напр., статья нѣкоего Корбутъ-Дашкѣвича, въ которой сообщались разные слухи, ходившіе въ народѣ въ 61 г., признана была Ростовцевымъ и К^о за „голосъ изъ народа“, а министръ Ланской, очевидно, на основаніи ея же писалъ во всеподданнѣйшей докладной запискѣ, что народъ давно уже ждетъ воли отъ царя, да паны-то дать ему мѣшаютъ (Р. Арх. 74 г., № 8).

ПИСЬМО С. Н. БОБОХОВА.

Въ началѣ декабря трое политическихъ ссыльныхъ: Бобоховъ, Шириевъ и Бондаревъ, пытались бѣжать изъ Пинеги (мѣсто ссылки). Ихъ побѣгъ былъ замѣченъ черезъ три часа, но, не смотря на это, бѣглецы были достигнуты не ближе, какъ за 120 верстъ. Три урядника съ понатыми бросились на нихъ. Дѣло происходило въ избѣ. Одинъ изъ бѣжавшихъ, Бобоховъ, сдѣлалъ по нападавшимъ два выстрѣла. Урядники кинулись въ разсыпную; одинъ съ перепугу попалъ въ окно и стекломъ порѣзалъ себѣ руку: онъ потомъ увѣрялъ, что это — рана отъ выстрѣла Бобохова. Въ концѣ концовъ, бѣглецы, разумѣется, были схвачены.

Обращаемъ вниманіе читателей на нижеслѣдующее письмо Сергѣя Николаевича Бобохова, публикуемое по его желанію.

«Товарищи! Пользуясь оставшимся временемъ, что-бы выяснитъ вамъ тѣ мотивы, которые побудили меня къ моему поступку. Я стрѣлялъ въ урядника не съ цѣлью сопротивленія, которое было невыслнмо, но чтобы цѣною своей гибели протестовать противъ правительственнаго произвола вообще, ссылки же въ Якутскую область въ особенности. Я заявилъ это слѣдователю, заявилъ и на судѣ, если будетъ возможность. Васъ же я прошу опубликовать это письмо: это для меня важнѣе всего.

Прощайте! Сергѣй Бобоховъ.

НОВЫЙ ОПОНЕНТЪ.

„Горе вамъ, законникамъ, что вы взяли ключъ разумѣнія: сами не вошли и входившимъ воспрепятствовали.“

Лука, гл. II, ст. 32.

Отношеніе русской легальной прессы къ нашему изданію мало по малу выясняется. Появленіе его было вѣрнѣе ожесточенной филиппикой противъ прератныхъ идей, новый органъ былъ принятъ своимъ легальными собратями, какъ непрощенный, назойливый гость, способный только нарушать „чистъ бесѣдъ“. Свободное слово, оказывается, только мѣшаетъ стройному теченію нашей журналистики. Главное же вниманіе обращено было на указаніе тѣхъ статей закона, которымъ подлежатъ у насъ люди, неовѣдающіе извѣкъ социализма, а тѣмъ паче распространяющіе таковыя печатно. Такъ по крайней мѣрѣ поступали до сихъ поръ наши оппоненты и рецензенты. Новый противникъ нашъ, внутренній обозрѣватель „Вѣстника Европы“, посвятившій одну половину своего фельетона Цитовичу, другую намъ, тоже задается, главнымъ образомъ, цѣлью разру-

иать наши „жмуечения“. Передь нами — не отвѣтъ на нашу статью, не опроверженіе случайныхъ, несущее тенныхъ противорѣчій, вкраившихся въ изложенеіе, но принципиальный врагъ социализма.

Борьба съ противникомъ направляется — вещь, конечно, похвальная, если она мотивируется стремленіемъ къ общему благу и искреннимъ убѣжденіемъ, а не посторонними соображеніями или голосомъ узальнаго самолюбія. Съ такимъ противникомъ приятно и почетно сражаться, его критикой можно повѣрять свои собственные воззрѣнія; но такіе противники, къ сожалѣнію, вообще рѣдки, и мы ихъ вѣроятно еще не скоро дождемся. Не можемъ не замѣтить при этомъ, что борьба нашихъ противниковъ была бы гораздо плодотворнѣе, еслибы они могли, не ограничиваясь одной отрицательной работой, указывать обществу и положительныя задачи. Для этого имъ не мѣшало бы предвѣрительно заступить „большой свободой“ слова, такъ какъ немного найдется людей на Руси, чьи задушевные мысли могли бы спокойно уместиться въ рамкахъ нынѣ дѣйствующаго цензурнаго устава. Но это уже не наше дѣло. Можетъ быть, наши противники считаютъ себя настолько сильными, а насъ настолько слабыми, что надѣются стереть насъ въ порошокъ безъ всякихъ экстренныхъ усилій съ своей стороны. Можетъ, они и еще на что нибудь надѣются? — Но зачѣмъ терять время на догадки! Передь нами противникъ, уничтоживъ насъ въ солидарности съ Цитовичемъ, въ заискуности, невѣжествѣ, непослѣдовательности, словомъ — во всемъ ничтожествѣ и убожествѣ: насъ зовутъ на судъ публики — наше дѣло дать показанія и ждать приговора.

Хроникеръ „Вѣсти. Евр.“ прежде всего выступаетъ раторорцемъ за русскую либеральную прессу и русской либерализмъ. Онъ огорчается на „новыхъ мисистелей“, такъ онъ насъ величаетъ, за то, что мы, яко-бы, смѣшавши въ одну кучу всю либеральную журналистику; произнесши ей осудительное осужденіе, въ трусости, безсиліи и непониманіи истиннаго назначенія прессы, — приравниваетъ насъ къ одесскому надклянтну — Цитовичу. Признаемся, мы ожидали нападенія, но не съ этой стороны. Да развѣ сама русская журналистика не каялась двадцать разъ въ своемъ безсиліи? Развѣ мало было писано и говорено о безсодержательности русскаго либерализма, объ упадкѣ современной литературы, всеобщей русской вялости и т. д. Зачѣмъ далеко ходить за примѣромъ: въ той-же самой книжкѣ „Вѣсти. Евр.“, гдѣ выдуренный обозрватель такъ горло защипаетъ либераловъ, г. Лукьяновъ, въ очень бойкомъ беллетристическомъ „эпюдѣ“ „Надо жить“ не только прохаживается на счетъ русскаго либерализма. Мы думали, что въ нашей характеристикѣ русскаго либерализма мы только подвели итоги его собственнаго самоосужденія. Чтобы поскорѣе покончить съ этимъ вопросомъ, сошлемся на судъ всѣхъ безпристрастныхъ читателей и спросимъ: умѣла ли наша журналистика, не говорить, а хотѣли бы мы читать въ „Вѣстяхъ“ цитовичихъ случаи? Пусть скажетъ это за себя редакція „Вѣсти. Евр.“, если можетъ. Мы думаемъ, что всякій по пальцамъ можетъ пересчитать тѣхъ дѣятелей общественной мысли, которые не пускаясь доводить въ свой огородъ, не поднимали рукъ на безоружнаго и не кадили осязательными силами міра сего, а это, конечно, не подобаетъ дѣлать не только защитникамъ свободы и прогресса, но и вообще уважающимъ себя людямъ. И обижаться за подобное намъ — невозможно странно: мы и тогда не отрицаемъ, что въ этомъ виноваты не одни дѣятели прессы, но и несчастное положеніе послѣдней.

Однакоже либералы не только обижаются, но и старательно выискиваютъ свои заслуги передъ обществомъ: „одинъ („Вѣсти. Евр.“, внутр. обзоръ, стр. 336) дѣйствительно подѣл инквизиторскихъ законовъ, хотя и не совсѣмъ безосновно, въ теченіи 16 лѣтъ, со времени 19 февраля 61 года, выражаютъ насущныя потребности общества; они, слѣдуя стариннымъ преданіямъ Посошкова и Новикова (претендія довольно скромная!), будучи его, провози въ сознание общества необходимость первой истинно-великой реформы, отъѣли рабства его послѣ 19-го февраля)... разрабатываютъ вопросъ о новой судебной организаціи, старательно ищутъ средины между французскимъ прокурорствомъ, безусловное обвиняющимъ, и англійскимъ требованіемъ частнаго обвинителя, проводятъ въ жизнь учрежденіе присяжныхъ“ и т. д. и т. д.

Если авторъ ставитъ въ особенную заслугу либераламъ то, что они заговорили о необходимости отъѣли кризиснаго права послѣ 19 февраля 1881 г., то мы готовы повиноваться передъ ними въ томъ, что не упомянули въ нашей газетѣ о такомъ подвигѣ. Если же мы причисляемъ къ русскимъ либераламъ людей дѣйствительно работавшихъ въ пользу крестьянскаго дѣла въ такую пору кризиснаго права и себя причисляютъ къ нимъ, то это — новость. Сколько намъ извѣстно, люди, задолго до 19 февраля выставившіе насъ гласными и отрицательными сторонами кризиснаго права и нашей россійской безурядицы, погибшіе за это въ изданіи и на каторгѣ, — никогда не причисляли себя къ ряду россійскихъ либераловъ. Наоборотъ, они относились къ нему съ искренними презрѣніемъ. И русскому либералу, возстававъ противъ насъ, не мѣшало бы прихватить, кстади, и покойнаго Коврада Дитеншатера съ его „Свискомъ“.

Если хроникеръ и себя причисляетъ къ этимъ дѣятелямъ, то какой же онъ либералъ? — Ужъ не намѣренъ-ли г. хроникеръ обвинить насъ въ недостаткѣ уваженія къ памяти тѣхъ лицъ, которыхъ совершенно справедливо считаютъ нашими духовными отцами, въ забвеніи ихъ заслугъ передъ русскими обществомъ? Тогда пусть дѣше формулируетъ свои обвиненія. Оставалось-ли мы равнодушными къ ихъ судьбѣ, прятая-ли ихъ произведенія подъ спудомъ, жгли-ли мы ихъ рукописи или какими нибудь другимъ образомъ отрекались отъ нихъ? Если такъ — ставьте обвинительные пункты, а мы отвѣтимъ и выставимъ свои.

Нашъ критикъ, по видимому такой благодушный, подчасъ забываетъ, что надо прежде вынуть бревно изъ своего глаза, а потомъ уже пытаться вытаскивать сучекъ изъ глаза ближняго. Насъ онъ очень сурово обвиняетъ въ цетерности, въ искаженіи чужихъ мыслей, въ выхваченіи отдѣльныхъ фразъ и жетолокованіяхъ, а самъ всю свою полемику основалъ на отдѣльныхъ фразахъ и обрывкахъ мыслей, выхваченныхъ изъ разныхъ статей №1, изъ которыхъ одна еще не окончена. Какъ бы ни было строго сдѣло направленія органа, знакомить съ нимъ читателей, вырвавъ одну мысль изъ одной, другую изъ другой статьи, какъ дѣлаетъ хроникеръ, невозможно. Такое строгое отношеніе къ другимъ и снисходительное къ себѣ можно объяснить развѣ только тѣмъ, что въ личномъ дѣлѣ трудно соблюсти безпристрастіе. По мнѣнію хроникера, мы отнеслись къ нему несправедливо — онъ полагаетъ, что мы задѣли его понапрасну; вотъ, подѣ влияніемъ неприятнаго чувства противъ насъ, онъ и говоритъ, что мы его разжаловали изъ либераловъ на основаніи жого непереложанныхъ фразъ, хотя всякій читавшій нашъ листокъ знаетъ, что сужденіе наше о немъ основано не на двухъ-трехъ фразахъ, а на трехъ его ежемѣсячныхъ фельетонахъ, посвященныхъ весьма интереснымъ событіямъ русской жизни. Если Вы, г. хроникеръ, забыли, мы напоминомъ Вамъ, въ чемъ дѣло.

Мы обвиняли Васъ за Ваше отношеніе къ Казанской демонстраціи 6 декабря 1876 г., которая была первымъ гласнымъ заявленіемъ политическихъ симпатій къ борцамъ за свободу на Руси и которую Вы объявили порожденіемъ старческой безнадежности и безсилія.

Мы обвиняли Васъ за Ваше объясненіе приговора присяжныхъ по дѣлу Засулчъ. Оправданіе ея Вы мотивировали тѣмъ, что гонимая выроста въ такой средѣ и при такихъ условіяхъ, гдѣ у нея не могло развиться теорія практическаго понятія.

Въ Вашемъ фельетонѣ по поводу событія 4 августа Вы снова повторили Ваше объясненіе.

Въ разборѣ нашей газеты Вы ни пол-слова не сказали въ разъясненіе того, какъ слѣдуетъ понимать Ваши фельетоны, въ чемъ мы перенимали Вашъ взглядъ на указанныя явленія русской жизни, а потому мы и продолжали считать наши обвиненія неопровергнутыми, а Ваши сужденія о Казанской демонстраціи и дѣлѣ Засулчъ — не только фальшивыми, но и крайне неприличными даже для человѣка, претендующаго на званіе русскаго либерала.

Послѣ этихъ толковъ о томъ, кто либералъ, кто не либералъ, кто похожъ, кто не похожъ на Цитовича*, — намъ снова приходится вернуться къ вопросу о политическомъ самосудѣ, о чемъ говорено было уже нами несчетное число разъ и теперь мы повторимъ то же самое. Казни, совершенныя социальстами на Руси, вызваны были ображеніями самообороны. Кому такія дѣянія не нравятся, тотъ долженъ былъ бы доказать, что положеніе о необходимой самооборонѣ непримѣнимо къ намъ; въ противномъ случаѣ ни одинъ юристъ въ мірѣ не рѣшится обвинять насъ. Мы указали даже условія, при наличности которыхъ самоуправство потеряло бы всякій смыслъ. Но нашъ оппонентъ продолжаетъ вѣшать одно политическое убійство вызывающъ реакцію, ахъ! онъ вызывающъ реакцію! ахъ! онъ вызывающъ реакцію! Ну что вы станете дѣлать съ человекомъ, который затвердилъ одно и то-же, какъ „господи помилуй“ и никакими резоновъ признать не хочетъ. Чемъ виноваты мы, что правительство вмѣсто хлѣба даетъ обществу камень, вмѣсто рыбы — зыбля! Развѣ реакція средство противъ недовольства общества? Развѣ самосудъ дискредитируется нагайками и сылками безъ суда, а не введеніемъ судопроизводства, удовлетворяющаго общественную справедливость? Хроникеръ беретъ насчитать намъ десятки политическаго убійствъ, на которыхъ правительства отъѣчалъ реакціей. Пусть не трудится. Мы въ исторіи постоянно видимъ, что правительство поступало какъ-разъ наперекоръ желаніямъ общества, особенно, гдѣ дѣло касалось свободы гражданъ; мы знаемъ, что русское правительство порою платило кризисныхъ крестьянъ, возстававшихъ противъ помѣщиковъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что крестьянныя волненія не имѣли никакого вліянія на рѣшеніе вопроса объ уничтоженіи кризиснаго права или что мужики по-стужали безпривѣстно, возстававъ противъ своихъ господъ.

Нашъ историческіе примѣры хроникеръ считаетъ неудачными, а

* Между прочимъ, самъ г. Цитовичъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи признаетъ себя и хроникера „Вѣсти. Евр.“ за ягода огного поля.

его единомышленника, фельетониста „Рус. Правда“, даже и впрямь. Неудачи дни развѣ только потому, что и я тотъ, ии другой не поняли, ради чего приходится эти примѣры. Цѣль наша была доказать, что политическія убійства не только не отрицаются безусловно нравственностью всѣхъ презрѣнь и народовъ, но иногда становятся предметомъ гордости націй, славнымъ воспоминаніемъ прошлаго и примѣромъ для потомства. Мы вовсе не думали доказывать, что Милошъ Обиличъ (а не Обреновичъ, какъ перепечатавъ „Вѣсти. Евр.“) убійствомъ турецкаго султана освободилъ Сербію, а Вильгельмъ Тельъ основалъ Швейцарскую конфедерацію и т. д. Примѣры наши, повторяемъ, указываютъ только, что иногда политическія убійства, какъ напр. убійца Гессера—средневѣковаго австрійскаго Мезенфера—могутъ стать героями освобожденія человѣчества. Хроникеръ говоритъ, что Тельъ—личность полумифическая. Тѣмъ лучше! Значитъ, народъ не только въ извѣстныхъ случаяхъ одобряетъ фактъ политическаго убійства—онъ въ своихъ политическихъ сказаніяхъ о началѣ свободы въ числѣ героевъ своихъ ставитъ убійцу. Вильгельмъ Тельъ—личность полумифическая: это такъ. А знаете-ли вы, г. Хроникеръ, что въ Швейцаріи существуетъ цѣлая школа историковъ-патріотовъ, которая всѣми силами отстаиваетъ историческую реальность героя Шиллеровской драмы. Хотя никто изъ швейцарцевъ не смѣшиваетъ убійства Гессера со сраженіемъ при Земпахъ, но, тѣмъ не менѣе, они не хотятъ разстаться съ политическимъ убійцей и выкинуть его изъ своего пантеона. То же самое можно сказать и о другихъ приведенныхъ нами тоже полумифическихъ герояхъ-убійцахъ. И наше категорическое „никогда“ остается таиндъ-же голосовымъ и необдуманнымъ заявленіемъ, какъ и сдѣланный нами вызовъ найдти публициста, защищающаго политическія убійства, которыхъ, по словамъ вашихъ, да же Либкнехтъ и Бебель не рѣшаются защищать (это „даже“ очень характерно для человека, трагующаго о вѣмеккой социальной демократіи и не знающаго, что два названные публициста всегда были противниками подобнаго способа дѣйствій). Писателей, защищавшихъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ право частныхъ лицъ на месть и оправдывавшихъ въ принципіи политическія убійства,—очень много и довольно извѣстныхъ. Возьмите хоть англійскаго поэта-философа Седжика Ландора; или вотъ вамъ цитата изъ одного весьма небезызвѣстнаго современнаго писателя:

„Былають случаи, гдѣ частная месть, которая въ первоначальномъ обществѣ была все, а въ цивилизованномъ должна быть ничѣмъ, снова становится чѣмъ-то и въ этомъ послѣднемъ: это случаи такого состоянія общества, гдѣ, напримеръ, въ силу монополизациі юстиціи или въ силу другихъ причинъ, настоятельная потребность въ мести не находить себѣ удовлетворенія. Тогда, подобно призраку, какъ бы изъ-подъ земли, снова выступаетъ частная месть, чтобы напомнить, что есть мощь, выходящая болѣе глубокие корни, чѣмъ произвольное ограниченіе права или случайная задержка въ его функцияхъ.“

Насчетъ политическаго убійства, впрочемъ, не мѣшаетъ привести примѣры изъ отечественной исторіи: припомните-ка, какимъ ликомъ была встрѣчена всѣмъ мыслящимъ русскимъ обществомъ смерть Павла I? Конечно, убійство этого несчастнаго сумасбродна нѣсколько не помѣшало развитію Аракчеевщины и солдатычъ Николая I; но было-бы ложью отрицать, что, со вступленіемъ Александра I, русское общество хоть на время избавилось отъ страшнаго кошмара, и прожилъ Павелъ еще нѣсколько лѣтъ—на Русь прибавилось бы нѣсколько сотенъ лицъ, загубленныхъ по капризу императора, и нѣсколько тысячъ холоповъ, привнѣнныхъ испогнать, не моргнувъ глазомъ, самая несовершенная и дѣлая приказанія полоумнаго царя...

Довольно однако. Мы и то взяли много грѣха на душу, пускаясь въ разсужденія о такомъ серьезномъ предметѣ по поводу краснаго слова фельетониста. Онъ очень краснорѣчиво бесѣдуетъ противу политическаго убійства съ нами, а насчетъ политическаго казней, совершаемыхъ русскимъ правительствомъ, отдѣляется глубокомысленнымъ молчаніемъ. Развѣ, напр., разстрѣліаніе Ковальскаго въ Одессѣ—не политическое убійство? Что же онъ не возвысилъ тогда свой голосъ на защиту гуманности?.. Не всякій, кто гуманничаетъ съ разстрѣленіемъ и одобреніемъ полиціи—„патріотъ своего отечества“, не всякая влаклящница—другъ покойника. Больше мы ничего не скажемъ по этому поводу.

Какъ мы уже сказали въ началѣ статьи, внутренний обозрѣватель „Вѣсти. Евр.“—принципальный противникъ социализма, по объѣмному учени у него довольно страннаго понятія. Такъ, по его мнѣнію, нѣмцеская такса на нѣкоторые продукты, существовавшая въ Петербургѣ, должны быть отнесены къ явству социалистическаго дѣла. Трепой, продававшато по дешевымъ цѣнамъ дрова петербургскимъ обывателямъ, Шульце-Делича, князя Бисмарка—онъ, не обинуясь, зачисляетъ въ социалисты. Социализмъ у него дѣлится на опасный и неопасный. Опасенъ онъ, по мнѣнію автора, тогда, когда дѣятельность его адептовъ выходитъ изъ предѣловъ, дозволенныхъ законами данной страны. Другими словами, мѣрною опасності со-

циализма служатъ полицейскія правила противъ него. У насъ социализмъ, должно быть, очень опасенъ, потому что его преслѣдуютъ съ чисто-драконовской строгостью; а въ Америкѣ, гдѣ въ прошломъ году стачка желѣзнодорожныхъ мастеровыхъ охватила зарево безопаснаго пожара чуть не весь союзъ, онъ, вѣроятно, безопасенъ совершенно, такъ какъ тамъ и понинѣ совершенно свободно издаются социалистическія газеты и собираются митинги приверженцевъ этого ученія. Въ Германіи до закона о социалистахъ социальная демократія не представляла опасности для общества, потому что въ своей дѣятельности она не выходила изъ предѣловъ, дозволенныхъ законами страны; теперь—такая дѣятельность стала опасна для общества, потому что запрещена полиціей.

Въ качествѣ противника социализма г. хроникеръ пускается въ хитросплетенія и спитаетъ доказать, что, напр., нѣмецкая социальная демократическая партія пріобрѣла кѣмѣтвное значеніе и силу не потому, что она поставила на своемъ знамени девизъ—освобожденіе рабочихъ, а благодаря своему безусловно-оппозиционному характеру по отношенію къ правительству.

„Въ тѣхъ мѣстностяхъ имперіи“,—говоритъ хроникеръ „Вѣсти. Евр.“ (стр. 833)—„гдѣ вѣютъ вліяніе сильно-дѣйствующія, безусловно-оппозиціонныя партіи, какъ-то: католическая (!), національная (польская и французская), вліяніе социаль-демократовъ оказывается ничтожнымъ; они тамъ замѣнены другими, не имѣющими оппозиціонныхъ элементовъ.“

Этотъ взглядъ разделяетъ и сама редакция „Вѣсти. Евр.“, но, не смотря на это, мы позволяемъ себѣ не согласиться съ нимъ.

По автору выходитъ, что подданные Германской имперіи оппонируютъ своему правительству изъ какого-то дѣтскаго удовольствія приспираться съ нимъ. Гдѣ можно—на него направляютъ ультрамонтановъ и партикуляристовъ, гдѣ нельзя—доказываются социаль-демократами. Неужели оппозиціи поляковъ-патріотовъ, социаль-демократовъ и ультрамонтановъ происходятъ изъ одного источника, такъ что могутъ замѣщать другъ друга? Оппозиція противъ Прусскаго государства во имя панской неогрѣшимости и во имя правъ человека, очевидно, имѣютъ между собою такъ же мало общаго, какъ и несовершенство русскимъ правительствомъ ярыхъ крѣпостниковъ и социалистовъ. Очень интересно, почему въ классическихъ рѣшеніяхъ американовъ-католиковъ въ прусской Новшѣ социализмъ сдѣлалъ до сихъ поръ мало успѣховъ: эти мѣстности населены еднѣмъ малоразвитымъ народомъ изъ всей Германіи; социализмъ же въ Германіи сильнѣе всего прививается къ наиболее развитому и интеллигентному населенію. Забѣгаемъ еще тотъ фактъ, вѣроятно, безызвѣстный и г. внутреннему обозрѣвателю, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ до предшествовавшихъ выборовъ ультрамонтаны господствовали безраздѣльно, гдѣ не было и помину о социалистахъ, въ іремѣ послѣднихъ и предшествовавшихъ выборовъ за социаль-демократовъ подало было нѣсколько сотенъ голосовъ. Съ точки зрѣнія автора совершенно необъяснимо, почему партія прогрессистовъ—голосъ болѣе оппозиціонная и радикальная, нежели національ-либералы—такъ слаба и ничтожна въ парламентѣ? Секретъ весь въ томъ, что нѣмецкіе либералы и радикалы-политики игнорировали народъ и его требованія, и народъ отвернулся отъ нихъ, несмотря на ихъ политическій радикализмъ. — Кроме того, социальный демократизмъ существуетъ не въ одной Германіи: въ Северо-Американскихъ Соед. Штатахъ онъ теперь не слабѣе, чѣмъ въ Германіи; въ Швейцаріи союзъ рабочихъ, основанный всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, насчитываетъ болѣе 5,000 членовъ, что для мѣстной, разрозненной страны, гдѣ очень слабо развита крупная промышленность, представляетъ весьма почетную цифру. Социаль-демократы также не мало и въ Фламандской Бельгіи, Даніи и южной Швеціи. Онъ преуспѣваетъ въ различныхъ странахъ, положеніе политическихъ партій въ которыхъ очень разнообразно. Это одно уже, помимо разныхъ другихъ соображеній, достаточно показываетъ всю несостоятельность тенденціознаго хитросплетенія хроникера „Вѣсти. Евр.“ насчетъ источниковъ силы социаль-демократической партіи. Если же обратитесь къ исторіи развитія социальной демократіи въ Германіи, то немудрено будетъ показать, что далеко не одна политическая оппозиція социаль-демократовъ дала имъ такую силу въ этой странѣ.

Трудямъ Лассалы былъ созданъ общегерманскій рабочій союзъ, политическая программа котораго была весьма радикальна и оппозиціонна. Казалось, недолгобыть элементамъ только и оставалось присоединяться къ нему. На повѣрку вышло не такъ. Вновь образованная эйзенахская партія, настроенная крайне враждебно къ лассалианцамъ, къ 1875 году почти сравнивается съ ней членностью. Очевидно, въ программѣ и тактикѣ этой партіи были приемы и методы, дававшие ей возможность бороться не только съ правительствомъ, но и съ сильнымъ противникомъ—лассалинской партіей. Разница въ политическихъ программахъ той и другой партіи была ничтожна: она не могла дать значительнаго преимущества въ пользу которой нибудь изъ нихъ. Существенная тактическая разница между двумя социалистическими партіями заключалась

лись в них взглядах на ремесленные союзы. Лассальянцы—Вирние программы своего учителя—игнорировали эти союзы; они относились к ним, как к реакционным организациям, отжившим свой век. Эйзенхаци, наоборот, выделял в них лучшее средство пропаганды и агитации. Они не только старались всеми силами проникать в рабочие союзы, но и сами основывали таковые. Ради привлечения к себе рабочих союзов, он даже подчас поступался своими политическими радикализмом. Практика блестяще оправдала такую тактику, и на соединительном конгрессе обхваля социалистических партий в Готте агитация среди рабочих союзов и путем рабочих союзов была включена в число признанных средств и методов деятельности соединенной социаль-демократической партии. Рабочие же союзы, как известно, являлись преобладающей политической организацией для борьбы за чисто экономическую борьбу.

Почему же, однако, автор считает экономическую часть программы социалистов делом второстепенной важности в вопросах о причинах успеха этой партии? Вот его соображения: «Невозможно поверить, чтобы миллионы избирателей в грамотной Германии были действительно убеждены в возможности немедленного упразднения собственности посредством революции» (стр. 833). В другом месте он говорит: «Тогда (т. е. когда социаль-демократы отказались бы от политической деятельности) из полутора миллиона избирателей от них навряд ли отпали бы три четверти, так как водворение коммунизма путем насилия противно здравому смыслу народа» (стр. 835). Мы нарочно в подлиннике выписали эти воззвания к здравому смыслу народа и разглагольствованию насчет коммунизма, вводяного путем насилия. Эти фразы составляют героическое средство всех полемизаторов против социализма. Когда нет других ресурсов и соображений, обильно пускаются в риторичку на счет семьи, собственности, и апострофируют к здравому смыслу народов. Этого «здравый смысл» играет такую же роль, как указание на промысел и всемогущество божие в теологии. Где ничего нельзя подхватить с аргументацией противника, богобоязнь пускается в ход последней довод — божий промысел и всемогущество; но как указания на сверхъестественные силы убедительны только для того, кто верит в их существование, точно так же и апелляция к здравому смыслу народов имеет смысл лишь для тех, кто считает буржуазный порядок вещей верховым проявлением этого здравого смысла. Обыкновенно же всего чаще прибегают к здравому смыслу народов люди, стрелявшие в народ картечью и проповедующие о его «незрелости». Мы просили бы указать также хоть одну строчку из всех писаний немецких социаль-демократов, где бы они проповедывали прямо или косвенно немедленное упразднение собственности путем революции и насильственное введение коммунизма. Только наиболее смелые и искренние из них признают, что современный строй не может быть изменен без революции; но отсюда до упразднения современного порядка в 24 часа и насильственного введения коммунизма еще очень далеко. Автор вообще не прочь попутать публику и погубить цивилизацию, и страшлищем коммунизма; замышляя о своем намерении вести себя «по благородному», он не пренебрегает пускаться в ход и старая слезлики о коммунизме, которыми лишь уже никто не верит. Коммунистам социаль-демократов называем мы, коллективисты, потому что они в своих планах народного государства делят его распорядителей и ответственных лиц на промышленных предприятиях. Отсюда еще далеко до страшлища, коммунизма, общности жен, ношения чужих сюртуков и других ужасов. Мы видим и теперь нередко государство в роли администратора крупных промышленных предприятий, напр., постройки железной дороги. Знаем также, что, где правительство не состоит, как у нас, из воров и мошенников, дело идет недурно. Многие даже предпочитают такой порядок вещей, находить его гораздо выгоднее отдачи предметов общественного потребления на поток и разграбление частными компаниями. Предоставляем автору внутр. обзорный (за декабрь месяц) вывеста из сказанного нами сейчас заключение, что мы защищаем учение последователей Маркса о государстве и обвиняем нас в новых противоречиях, а пока переходим к объяснению уже найденных нами у нас противоречий.

Мы остановимся на главных пунктах, иначе мы рискуем никогда не кончить с нашим противником. Внутренний обзоритель, хотя и хвастается, что знает, как свои пять пальцев, и Маркса, и Лассалья и отрицательные стороны русской жизни, од-

нако же не может объяснить себя, как это люди говорят что социализм — высшая форма человеческого счастья, зовут людей на кровавую борьбу за это счастье и в то же время отказываются предпринимать вопрос о частных формах будущего строя. Он просто приходит к тому выводу, что русские социалисты, сами не зная чего хотят, зовут людей умирать за невѣдомую Аркадию.

Между тем, дело очень просто. Людям настоящей эпохи немилосиво выдумать из своей головы будущий строй, — он может быть создан только самой жизнью, и потому научный социализм поддерживается от всяких схематизаций; но, разбирая неустойчивость настоящего, он может указать общее направление, в котором должна вестись борьба, он может указать некоторые основные и существенные признаки будущего строя: отсутствие частного владения орудиями производства, экономических привилегий, привилегий пола, происхождения и религии. Эти признаки будущего строя дают уже нам право, не боясь, называть его «роскошным царством жизни». Звать людей на жертвы ради того, чтобы подвинуться хотя на шаг к этому строю, сбить с дороги хоть одно препятствие — мы считаем не только нравственным и возможным, но и абсолютно необходимым. В эпоху, когда призвать к оружию из-за царских фантазий стал чуть не ежедневным явлением, мы не находим ни жестоких, ни безнравственных, как можно чаще наводить людям о том, что светлое будущее может достигаться лишь только путем кровавой борьбы.

Автор говорит, что мы, отказываясь начертать план будущего общества, в то же время развиваем его в деталях. Где это? — позвольте Вася спросить, г. хроникер. Мы указали только на отсутствие частного владения, неравенства полов и государственного гнета и на замену централизации общинной автономией. Постарайтесь указать более общие признаки современного строя, нежели семья, собственность, религия и государство? Мы возьмем людей на борьбу за такой строй, который мы сами не в состоянии даже развить, и это нам ставится в вину. Охотно принимаем на себя этого грех, потому что в нем повинны все люди на свете, когда-либо поднимавшие вопрос об изменении общественных отношений. Ни один из предшественников Великой Революции не чертил схем этого переворота, а между тем, признавал его, готовил его. Сам деятель революции ни при создании Конституции, ни при учреждении Конвента не могли определенно сказать, каково будет новое здание, воздвигнутое на развалинах старой монархии. Первые борцы за свободу совести и научного исследования точно также не могли предвидеть и не знали, каковы будут те формы общественной жизни, при которых религиозная терпимость и свобода науки будут воплощены в жизнь. Они боролись противу темных сил, задерживавших общественный прогресс, и в этом резюмируется полезная сторона их деятельности. Плани же устройство будущего общества Компанелли и Морусов, характеризуют прежде всего эпоху, в которую жили авторы. Г. хроникеру вместо насмешек над невѣдомой Аркадией гораздо более сообразно было бы доказать, что те общины начала, которые мы полагаем в основу будущего строя, не определяют достаточно наций деятельности в настоящем или что они вредны и губительны для цивилизации. Это было бы интересно послушать.

Всегда защитник сельской поземельной общины, г. хроникер, на утверждение наше, что основы нашей программы заложены уже в самом мросозерцании народа, что наша ближайшая цель — осуществление народной революции с евковым лозунгом «Земля и Воля», — не без ехидства спрашивает: «а что если народное мросозерцание ближе к управлению становой приставы, чем к розкошному шпур жизни?» Бывают случаи, когда одна фраза, вырывающаяся нечаянно, характеризует человека лучше длинной исповеди. Ну, не очевидно ли, что перед нами — барин, третирующий свысока сподопаного мужика? Понятным становится и отношение его к «казачьим кругам» и насмешки над ними. Очевидно, автор составил себе представление о казаках по французским романам; ему дела нет до того, что казачий круг — народное собрание, избирающее власть безапелляционно решать свои внутренние дела, судить, выбирать и сменять своих должностных лиц, то есть — самая широкая форма местного самоуправления.

Большая часть заданных автором вопросов трактуется в предовой статье этого № «Земля и Воля», а потому мы дозволим себе коснуться их мимоходом. Если согласиться с автором, что народ наш создал становой приставы, если признать его теорией современного русского государственного устройства (правильнее сказать — неустойчивого), то тогда, разумеется, было бы безнадежным делом искать в его мросозерцании основ для социализма; но эти положения составляют новость в русской литературе, и потому не худо бы привести доказательства для них.

Важнейшие экономические воззрения, не только бы указать, наконец, какой доктрины они держатся и кто выражает их мысли: Жуковский, Слонимский, Блюх или Маркс?

*) Знанием Маркса «Вест. Евр.» уже не славилось бы хвалиться. Он при выходе на русском яз. «Капитала» дал о нем похвальный отзыв, а потом поместил удивительную статью Юлиа Жуковского об этом же предмете и до сих пор не счел нужным откликнуться ни одному из его критиков. Хвалился знанием Маркса редакция помещает выписки гг. Слонимских и Блюхов без всяких оговорок, хотя людям, имеющим претензии на опреде-

было известно обратное: именно, что становыхъ наро́въ ненавидѣть и боятся, считаегь ихъ за „насланіе божіе“. Известно было также, что отъ современнаго русскаго государства народъ нашъ бѣгалъ въ дѣся, на Уралъ, на Дарью рѣку, даже въ невѣдомую міру Японію, ханства Средней Азии, что и подало поводъ нашимъ наивнымъ народоуважамъ превозносить колонизаторскія способности русскаго племени. Известно также, что противъ этого единаго русскаго государства, сперва Московскаго, потомъ Петербургскаго, оны возставали съ Болотниковыми, Разинными, Булавинными, Некрасовыми и Пугачевыми. Если и укрѣпилось современное государственное устройство на Руси, то всё знаютъ, что оно укрѣпилось на крови народной, что оно досталось намъ цѣною гибели народнои культуры и общественной, земельной и общинной автономіи. Эти замѣчанія о любви русскаго народа къ государству даже не намъ и принадлежатъ, г. хроникеръ. Вы просто ихъ списали изъ передовицъ „Голоса“. Источникъ хорошъ; свѣтуемъ почаще имъ пользоваться.

Антисоціалистическія стороны русскаго народа хроникеръ, кроме того, видитъ въ его приверженности къ семьѣ и религіи. Религія никогда не доводила русскаго народа до истеричности. Преслѣдованія сектантовъ — выдумка правительства и духовенства, которой народъ никогда не сочувствовалъ. Насчетъ крестьянской семьи авторъ выражается слишкомъ общо. То, что называется крестьянскою семьей, представляеть собою чуть-ли не всё ивѣстная намъ формы половыхъ отношеній. Нашу великорусскую патриархальную семью мы тоже не считаемъ совершенно готовой и не подлежащей измѣненію культурной формою. И еще вопросъ, гдѣ болѣе благоприятная почва для развитія здоровыхъ отношеній: тамъ-ли, гдѣ каждый членъ семейнаго союза обязанъ трудиться для пользы семьи, или — гдѣ женщина представляеть собою элегантною содержанку, неспособную снискивать себѣ пропитаніе. Но какія-бы неудобства для соціалистической пропаганды не представляли нѣкоторые стороны народной жизни, они исчезаютъ совершенно въ виду того знаменательнаго историческаго и бытового явленія, которое называется русскою поземельной общиной. Авторъ говоритъ, что она есть только форма землевладѣнія — и социалсты никогда не свѣтовали людямъ отказываться отъ владѣнія землей или орудіями труда. Они только проповѣдывали передачу ихъ въ коллективное пользование трудящихся, — и не одна изъ существующихъ формъ владѣнія орудіями производствъ не подходитъ такъ близко къ коллективизму, какъ земельная община. Въ ней нѣтъ, говорятъ, слѣдовъ общиннаго пользования продуктами труда и распредѣленія его сообразно потребностямъ. Если поискать, такъ можно найти и подобныя примѣры, но это не важно для насъ въ данную минуту. Мы думаемъ, что одно уже повсемѣстное и повелительное введеніе общиннаго пользования землей, сообразно крестьянскимъ обычаямъ, было бы уже такимъ громаднымъ шагомъ на пути социальныхъ реформъ, который озвѣститъ бы совершенно новымъ свѣтомъ все будущее. Новѣйшія изслѣдованія показали, какую громадную роль играетъ въ крестьянскомъ обычномъ правѣ трудовое начало. Народъ, вместе съ социалстами, видитъ въ трудѣ главный источникъ права на вещи. Поэтому мы, не обинуясь, повторяемъ здѣсь снова, что широкая проповѣдь социализма будетъ только закрѣплять и расширять тѣ идеи, которыя существуютъ уже въ народѣ по отношению къ экономическимъ вопросамъ. Основныя идеи о коллективномъ пользованіи землей, о правѣ на нее каждаго способнаго къ труду человека, народъ уже не разъ заявлялъ въ своихъ возстаніяхъ. Въ этомъ смыслѣ и названіе у насъ Пугачевъ социалстомъ. Мы готовы сознаться, что опредѣленіе это не точно. Онъ социалстъ по столько, по сколько въ программу его входило уничтоженіе крѣпостнаго права, частнаго землевладѣнія и основныя привилегій; но если князь Бѣсарь и Треповъ социалсты, то Емельянъ Пугачевъ, намъ кажется, и по данно имѣеть право быть причисленнымъ къ нимъ. Не даромъ Бибиковъ писалъ Екатерину, что страшенъ не самъ Пугачевъ, а вѣковой протестъ бѣднаго противъ богатаго. Что же дѣлать, если ему не удалось уничтожить крѣпостнаго права! Такова судьба всѣхъ верныхъ начинаній; да наконецъ, авторъ не у него одного осмарила честь починна въ этомъ дѣлѣ. По его словамъ, оно было проведено въ жизнь мировыми посредниками изъ дворянъ, — а дворяней, скомканнымъ своимъ тономъ на которъ за этотъ вопросъ, оны совершенно игнорируются.

Напрасно также авторъ утверждаетъ, что ученіе социалстовъ объ автономныхъ общинахъ было выработано безъ всякаго спроса у народа. Ничто не послужило въ такой степени развитію и постановкѣ вопроса о федеративномъ устройствѣ производительныхъ общинъ и союзовъ, какъ новѣйшія изслѣдованія въ области обычнаго права и бытовой культуры. Труды Мина, Галстауэна, Маурера и другихъ менѣе крупныхъ изслѣдователей имѣли вліяніе не только на экономистовъ, но и на социалстовъ. Можно спорить о томъ, что мы не понимаемъ народнаго быта, выводя изъ него заключенія для бытовыхъ свѣдѣній; но сказать, что ученіе социалстовъ о федеративныхъ общинахъ праядная, безпочвенная выдумка — намъ кажется довольно страннымъ.

Потрудившись достаточно надъ созданіемъ противорѣчій въ нашихъ статьяхъ, авторъ былъ настолько великодушенъ, что взявъ на себя трудъ объяснить ихъ. Противорѣчія наши онъ объясняетъ дипломатическою хитростью: мы, по его мнѣнію, секретничаемъ съ русскими читателями, не высказываемъ вполне нашей программы до поры до времени; и вотъ оны, хроникеръ, торжественно объясняетъ, что мы „анархисты“ и призываемъ себя таковыми за границы. Въ Россіи же мы до поры до времени скрываемъ свои настоящія убѣжденія и притчемъ за спину ученаго Маркса, противъ котораго возстаемъ за границы.

Кромѣ того, проповѣдь социализма въ русскомъ народѣ, по автору, величайшая нехлюбо, которой никто ни похвалитъ, ни увлечется не можетъ, а потому мы и выдумали для неохотныхъ юношей мнѣніе о томъ, что социализмъ — произведеніе инстинктивнаго міросозерцанія самого народа.

На послѣдній пунктъ отвѣтъ мы уже дали. Кромѣ того, человѣкъ, вѣрающій въ истинность и цѣлесообразность своихъ убѣжденій, обыкновенно не стѣсняется тѣмъ, что его не слушаютъ. Если-бы мы не вѣрили въ социализмъ — другое дѣло: тогда намъ надобно было бы изобрѣтать какіе-нибудь мнѣніе о настроеніи народа и его міросозерцаніи! — не тогда проще было-бы вовсе не проповѣдывать его. Неужели авторъ думаетъ, что можно, на Руси проповѣдывать социализмъ, переносить „мысли мѣры правительствъ“, выслушивать голоса общества и прессы — и въ то же время не дѣлать въ распространяемое ученіе? Кажется сомнительнаго въ дѣятельности социализма немного. Скорѣе можно сказать, что у насъ многіе убѣжденные социалсты молчатъ и всячески скрываютъ себя и свои убѣжденія отъ общества, потому что это грозитъ большимъ неприяностямъ.

Попытка автора разоблачить, выдать чужой секретъ очень характерна. Общину онъ торжественно оставляетъ всякіе полицейскіе приемы, но не выдержалъ! Такова ужъ сила привычки! Дай, молъ, разскажу, что оны, по секрету отъ русской дубляки, дѣлають за границей. Забудьте, это говорить человекъ, не извѣщій объ насъ лично никакого понятія и знающій очень хорошо, насколько неудобно распространяться о томъ, что наши соотечественники дѣлають за границей. Но... успокойте его. На этотъ разъ его силится никому преда притнести не можетъ. Секретъ его — секретъ анархиста: это — погубеніе на безопасность лица негодными для преступленія объектами, предъ-попята отравить наместника на воду. Молодежь русская давно уже знаетъ, что мы — анархисты; она не со вчерашняго дня слыхала о воляныхъ общинахъ. Она знаетъ также, что экономическая теорія Маркса и ученіе его послѣдователей о всемогущемъ государствѣ — двѣ вещи разныя. Экономическіе взгляды Маркса раздѣляются многими людьми, которыя и слышатъ не хотятъ о „народномъ государствѣ“. Между интернационалистами, федералистами и социаль-демократами велась, дѣйствительно, очень оживленная полемика по вопросу о значеніи государственнаго элемента въ будущемъ обществѣ; но пока никто еще изъ социалстовъ, за исключеніемъ Дюринга, расхождающегося во многомъ съ экономическимъ теоріямъ Маркса, не нападалъ на его ученіе о капиталистическомъ производствѣ.

Точно также много было писано и говорено о такъ-называемыхъ „высшихъ“, т. е. о реальномъ, фактическомъ провозглашеніи социалистическихъ идей. Но все эти вопросы до сихъ поръ, по меньшей мѣрѣ, вопросы открытыя. Теперь, между прочимъ, особенно любопытно было бы спросить нѣмецкихъ социаль-демократовъ — послѣ того, какъ они съ парламентарной трибуны объявили, что у нихъ найдется свои Засуляти — какъ они полагають на счетъ мирнаго пути и законной почвы?

Мы уже сказали, что вопросы эти не первый годъ дебатируются въ социалистической литературѣ; что же касается до пререканій съ Марксомъ, то это уже дѣло интимнѣйшей данности. Расхожденіе его съ федералистами было уже фактомъ послѣ печальной памяти Гаггарскаго конгресса, и съ тѣхъ поръ самъ Марксъ удалялся отъ практическихъ дѣлъ и не принималъ болѣе за агитацию.

Странно въ всегъ въ этомъ заявленіи то, что самый Женевскій конгрессъ 1876 г., на которомъ авторъ подслушалъ такія интересные вещи, — произведеніе пылкой фантазіи автора.

Рекомендуемъ перебрать все старія газеты и новости справки, гдѣ угодно, и окажется, что не только социалистическаго всемірнаго съезда, но и никакого съезда въ Женевѣ въ это время не было.

Перебралъ хроникеръ социалистическаго движенія за 1876 г., мы встречаемъ съ мѣстнымъ конгрессомъ Юрскаго федератива въ Сентъ-Ильмѣ, съ годичнымъ конгрессомъ интернационала въ Вервѣ, съ дѣломъ социализма разныхъ странъ въ Гентѣ, но въ Женевѣ мы никакого конгресса не помнимъ.

Не помнимъ также, чтобы социаль-демократы когда-нибудь доказывали торжество федерализма съ централизацией; хотя оны и противники коммунальной автономіи, но до такихъ вещей оны еще не договаривались въ полемикѣ съ нами.

Программу Гентскаго конгресса мы тоже помнимъ. Тамъ были

поставлены вопросы о тенденциях капиталистического производства, о значении ремесленных союзов, в качестве орудий социалистической агитации, об участии рабочих в политической борьбе и, наконец, об образовании нового союза социалистов разных стран. Отчеты этого конгресса не были нигде еще опубликованы, но, судя по корреспонденциям социалистических газет, по отчету нашего русского делегата об нем, наконец, по сообщению одного заграничного буржуазного органа, прошедшего сквозь цензуру даже и в наше отечество, — Гентский конгресс не похож на тот, о котором повествует автор.

«Что же это такое?» — недоверчиво спросит иной читатель — «неужели человек, громко трубивший о спонсировании борьбы с социалистами без помощи ссылок на уголовные законы, одними научными аргументами, рѣшил на такой странный фортель?»

Пусть люди, интересующиеся личною г. хроникера «Вѣстника Европы», объясняют себѣ, какимъ образом случился съ нимъ такой казусъ и какие мотивы руководили имъ — для насъ это не интересно. Къ подобнымъ явленіямъ намъ не привыкать стать, а потому мы не комментируемъ, не объясняемъ, а только констатируемъ тотъ фактъ, что Женевскій конгрессъ, о которомъ такъ подробно рассказываетъ авторъ, не существовалъ никогда на дѣлѣ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

СЪ БУМАГОПРЯДИЛЬНОЙ ФАБРИКИ КЕНИГА.
Конецъ прошлаго 1878 г. ознаменовался нѣсколькими болѣе или менѣе крупными столкновениями петербургскихъ рабочихъ съ нанимателями. Мы хотимъ разсказать о нѣкоторыхъ изъ нихъ, заранѣе извиняясь въ томъ, что нѣсколько запоздали своимъ сообщеніемъ.

Самымъ характернымъ образомъ обрисовываетъ положение нашего «освобожденнаго» рабочаго стачка на бумагопрядильной фабрикѣ купца Кенига, потому мы отводимъ ей первое мѣсто въ нашемъ разсказѣ. Читателямъ известно, что наши рабочіе по своему экономическому положенію рѣзко раздѣляются на «заводскихъ» и «фабричныхъ». Между тѣмъ какъ первые, при меньшей продолжительности рабочаго дня, получаютъ плату почти достаточную для сноснаго (въ русскомъ смыслѣ этого слова) существованія, фабричные находятся въ положеніи почти ужасномъ. Рабочій день здѣсь не бываетъ короче 14 ч.; въ 5 часовъ утра рабочій становится на работу, домой возвращается въ 8 ч. вечера. Во все это время ему дается только одинъ часъ (отъ 12 до 1 ч.) на обѣдъ и отдыхъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ продолжительность рабочаго дня еще болѣе. Его заработокъ рѣдко доходитъ до 25 р. въ мѣсяцъ, чаще же всего онъ колеблется между 17 и 20 р. Изъ этой ничтожной суммы онъ долженъ найти средства для прокормленія своей семьи, для уплаты податей и, наконецъ, для покрытія многочисленныхъ и разнообразныхъ штрафовъ. Эти послѣдніе составляютъ очень значительную отрицательную величину въ заработкѣ рабочаго. Налагаются они подъ самыми различными, подчасъ весьма остроумными предлогами; такъ, напр.: хотя работа на фабрикѣ Кенига, по условію, должна начинаться въ 5 ч., предприниматель, по пословію «съ міру по шиткѣ — голому рубаха», начиналъ ее въ 4³/₄ ч.; кто не явился за 5 м. до срока, установленнаго, такимъ образомъ, вопреки условію, подвергался уже штрафу.

Второй примѣръ. При фабрикѣ есть вѣчно-пьяный и ничего несмыслящій фельдшеръ. Самымъ радикальнымъ средствомъ отъ всѣхъ недуговъ рабочаго онъ считаетъ холодную воду, которою и обливаетъ заболѣвшихъ. Больничныя сцены изъ гоголевскаго «Ревизора», какъ видитъ читатель, повторяются и въ настоящее время. Несмотря на очевидное даже для рабочихъ невѣжество фельдшера, они обязаны были лечиться у него, подѣ страхомъ штрафа за попытку получить бо-

лѣе полезный совѣтъ на сторонѣ. Если при расчетѣ, происходящемъ 15 и 30 числа каждаго мѣсяца, рабочій позволитъ себѣ спросить, на какомъ основаніи сдѣланъ тотъ или другой вычетъ изъ слѣдующихъ ему денегъ, его штрафуютъ снова. Если хозяинъ не прѣзжалъ ко дню расчета и рабочіе освѣдомлялись, когда же они получатъ «жалованье» — они подвергались новому штрафу. Штрафовали за нечистоту машинны, за мѣстоименіе «ты», употребленное въ разговорѣ съ мастеромъ, и т. д. и т. д. О прогульнѣхъ дняхъ нечего и говорить; несмотря на то, что плата была поштучная, за каждый прогульнѣй день рабочій долженъ былъ проработать 2 дня безплатно.

При такомъ положеніи дѣлъ, спокойствіе на фабрикѣ, естественно, находилось въ очень неустойчивомъ равновѣсіи. Достаточно было малѣйшаго повода, чтобы вызвать то, что на полицейскомъ языкѣ называется «бунтомъ». Такимъ поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство. При производствѣ работы на бумагопрядильной фабрикѣ, получается много отброса, состоящаго изъ порванныхъ нитокъ. Этотъ отбросъ образуетъ возлѣ станковъ гучу такъ-называемой «пыли». Для сортировки ея на фабрикѣ Кенига существовали особыя женщины. Незадолго до описываемаго времени перемѣнили на фабрикѣ Кенига директора, и новая метла стала мести еще чище старой. Новый директоръ считалъ разбравшихъ «пыль» женщинъ и возложилъ ея сортировку на «заднихъ мальчиковъ».*)

29 ноября эти мальчики, числомъ 33 ч., заявили мастеру, что они не будутъ работать, пока ихъ не избавятъ отъ этой новой обузы. Дѣло происходило въ 12 ч., когда рабочіе отправляются обѣдать. Послѣ да мальчики, дѣйствительно, не пошли работать и стали дожидаться хозяина у зданія фабрики. Когда онъ явился къ нимъ и они попытались изложить ему свои жалобы, онъ безъ разговоровъ послалъ ихъ къ черту. Они разошлись по домамъ.

Подождавши нѣкоторое время своихъ подручныхъ, мальчики заявили мастерамъ, что не могутъ управиться со станками безъ помощи мальчиковъ. Мастеръ увѣрялъ, что къ вечеру все уладится. Но время приближалось къ 8 ч., а мальчики не являлись. Чтобы имѣть возможность узнать имена «бунтовщиковъ», хозяинъ рѣшилъ выдать всѣмъ бывшимъ на лицо подручнымъ билеты. Всякому, кто на другой день не предъявитъ такого билета при входѣ на фабрику, грозили хозяйской карой. Но едва мастеръ сталъ раздавать эти билеты, раздакъ свистокъ, возвѣщающій окончаніе работы, и только трое изъ подручныхъ успѣли ихъ получить.

Несмотря на это, когда рабочіе стали на другой день собираться на фабрику, у подручныхъ спрашивали билеты, и такъ какъ они были только у трехъ, то всѣ остальные были прогнаны съ работы. Г. Кенигъ переходилъ, такимъ образомъ, въ наступленіе.

Но въ это время малолѣтніе стачечники получили неожиданное подкрѣпленіе. Ихъ взрослые товарищи объявили мастерамъ, что будутъ работать только подѣ условіемъ исполненія требованій «мальчиковъ». Фабричная администрація не была расположена къ уступкамъ; рабочіе съ своей стороны рѣшились привести угрозу въ исполненіе. Они вышли гурьбою изъ зданія фабрики.

*) Каждый прядильщикъ (мольщикъ) работаетъ на двухъ станкахъ, причѣмъ у него есть 2 подручныхъ мальчика: т. н. «средній» 17-19 л. и «задній» 12-14 л. Эти послѣдніе работаютъ тѣ-же 14 ч., что и взрослые.

ки и присоединились къ толпившимся на улицѣ подручными. Они надѣялись, что хозяинъ придетъ для объяснения съ ними и имъ удастся убѣдить его сдѣлать уступки. Кенигъ однако не явился, и рабочіе рѣшили заявить полиціи о своемъ отказѣ отъ работы. Толпой направились они въ участокъ, но здѣсь-то и началось митарство «бунтовщиковъ». Дежурный околоточный послалъ ихъ въ Екатерингофскій садъ, куда общался прѣхать для объясненій приставъ. Въ 9 ч. послѣдній, дѣйствительно, появился въ саду, сопровождаемый какою-то личностью, которую потомъ видѣли въ III Отд., и вступилъ въ переговоры съ рабочими. Прежде всего онъ освѣдомился объ именахъ близъ стоявшихъ прядильщиковъ. Онъ узналъ и записалъ такимъ образомъ 4 фамиліи, пока простяки не поняли, въ чемъ дѣло, и не объявили ему, что знать имена для него не важно, такъ какъ отказались работать вѣсь. Они передали ему письменное изложеніе своихъ жалобъ. Приставъ записалъ обычную въ этихъ случаяхъ пѣсню о томъ, что мѣшаться въ отношенія рабочихъ къ хозяевамъ полиціи не имѣетъ права, такъ что сдѣлать онъ ничего не можетъ, но, впрочемъ, передастъ ихъ заявленіе градоначальнику. Толпа стала расходиться по домамъ. Тѣ 4 рабочихъ, имена которыхъ успѣлъ записать приставъ, были задержаны и отправлены въ участокъ. Тамъ ихъ продержали до обѣда и, отпуская, приказали явиться къ 8 ч. вечера въ III Отд. Несчастные ничего не понимали; но, явившись туда, они встрѣтили тамъ своего хозяина съ двумя мастерами. Начался разборъ ихъ взаимныхъ обвиненій. Первое слово было дано Кенигу. Если читатель припомнитъ защитительныя рѣчи Гегевского Рейнеке-Лиса, онъ составитъ себѣ полное понятіе о смыслѣ кениговскихъ объясненій. По его словамъ выходило, что рабочіе его фабрики живутъ какъ нельзя лучше, что его отношенія къ нимъ всегда были безукоризненны, такъ что стачку нужно цѣлкомъ отнести на счетъ «постороннихъ внушеній». Г. Кенигъ общался даже узнать и указать полиціи подстрекателей. Когда рабочіе пытались возражать ему, ихъ не хотѣли и слушать. «Знаемъ мы эти рѣчи, закричали на нихъ, мы упечемъ васъ туда, куда вы и не ждете! Завтра-же идите на работу, въ противномъ случаѣ мы заставимъ васъ работать силой; такъ и товарищамъ скажите».

Съ этимъ назиданіемъ ихъ отпустили домой. Третье-отдѣленское внушеніе не произвело однако ожидаемаго впечатлѣнія, и на утро фабрика была пуста, какъ и накануне. Рабочіе толпились около здания фабрики, но и не думали приниматься за работу. Часамъ къ десяти утра прѣхалъ какой-то «генераль» изъ синихъ и спросилъ: «всѣ ли рабочіе налицо?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ велѣлъ идти всѣмъ на дворъ фабрики. Тѣхъ, кто не шелъ во дворъ добровольно, вталкивали городовые. Когда на улицѣ не осталось никого, фабричныя ворота были заперты и рабочимъ предложено войти въ контору. Здѣсь ихъ разставили двумя рядами и генераль, сопровождаемый двумя мастерами, обошелъ всѣ ряды; очевидно, кениговское указаніе на постороннее подстрекательство произвело впечатлѣніе у Цѣпного моста, и тамъ рѣшили поймать агитаторовъ. Но никого изъ постороннихъ не оказалось. Послѣ этой поѣздки, генераль приступилъ къ «увѣщанію». То ласково, то грозя строгимъ наказаніемъ за ослушаніе, просилъ онъ рабочихъ покориться хозяину и приняться за работу.

Когда рабочіе были, повидимому, достаточно обстрѣ-

лены артиллерійскимъ огнемъ жандармскаго краснорѣчія, пустился въ атаку самъ г. Кенигъ; онъ прочиталъ новыя правила, предлагая рабочимъ или согласиться на нихъ, или убраться съ фабрики. Какъ видитъ читатель, планъ атаки былъ составленъ очень недурно: сначала жандармское внушеніе, затѣмъ, какъ сѣггъ на голову новыя правила и неизбежная для рабочихъ альтернатива—или идти на работу, или выказывать себя «бунтовщиками» и «зачинщиками», въ глазахъ строгаго генерала. Разсчитывали на неизбежное въ такихъ случаяхъ отсутствіе единодушія, на невозможность для болѣе вліятельныхъ рабочихъ высказаться и поддержать колеблющуюся массу. Этотъ планъ непременно удался бы, если бы г. Кенигъ не пересолнилъ въ своихъ вновь-высказанныхъ правилахъ, которые оказались еще тяжелѣе старыхъ. Эта безтактность погубила ловко задуманный гешефтъ. Рабочіе единодушно заявили свое нежеланіе работать и начали выходить изъ конторы. Генераль окончательно потерялъ терпѣніе. Угрозы тюрьмой, Сибирью и т. д. снова посыпались на «свободныхъ» рабочихъ. «Вы слушаете злыхъ людей», кричалъ потерявшій всякій тактъ бурбонъ. «У меня здѣсь сто пипоновъ слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ у васъ, но если хозяинъ найдетъ, что этого мало, я пришлю еще столько-же! Какъ только узнаю, что къ вамъ ходятъ бунтовщики, сейчасъ-же въ Архангельскъ сошлю!» и т. д. Однако и эти новые громы не принесли желаннаго результата: рабочіе разошлись по домамъ и рѣшились на крайнюю мѣру, къ которой всегда прибѣгаетъ русскій человѣкъ, пока не убѣдится, что ему остается апеллировать только къ собственному кулаку—они рѣшились подать просьбу Наслѣднику. Утромъ 2 декабря челоуѣкъ 30 рабочихъ отправились къ Анникову дворцу. Оказалось, разумеется, что державный сыночекъ такъ же не любитъ оборванной черни, какъ и его папенька: даже прошеніе не было принято. Какой-то наивный офицеръ посоветовалъ имъ обратиться къ Зурову. Совѣтъ былъ исполненъ, и 4-го декабря Зуровъ явился съ отвѣтомъ. Какъ видитъ читатель, это было только нѣсколько дней спустя послѣ знаменитаго Зуровскаго «отвѣта» студентамъ-медикамъ. Энергичный градоначальникъ и въ этомъ случаѣ не измѣнилъ себѣ. Выругавши рабочихъ самыми непечатными словами, объявилъ имъ, что прочелъ ихъ просьбу и завтра пришлетъ своего чиновника для разрѣшенія ихъ недоразумѣній съ Кенигомъ. Въмѣсто обещаннаго вѣстника мира, въ ночь 5—6 декабря полиція стала ходить по квартирамъ рабочихъ и выгонять ихъ на улицу. Собранныя порядочную толпу, ихъ потащили въ III Отдѣленіе. Новыя застрашиванія, брань и новыя приказанія сегодня-же становиться на работу. «Да нынче праздникъ» — пытался возразить одинъ изъ рабочихъ. — Я тебѣ дамъ праздникъ, лѣтний ты этакій! — закричалъ на него увѣщавшій — нынче нѣтъ праздника! «Какъ нѣтъ? да нынче Никола, ваше благородіе», заговорили рабочіе, и III-отдѣленскіе святоши должны были прикусить языкъ. Въ 7 ч. утра рабочихъ выпустили, наконецъ, приказавъ имъ собраться у фабрики и ожидать тамъ чиновника для окончательнаго рѣшенія дѣла. Приказаніе и на этотъ разъ было исполнено: немедленно около здания фабрики образовалась толпа и стала ожидать, что будетъ. Къ уступкамъ никто изъ рабочихъ не былъ расположенъ. Часовъ около 9 утра къ толпѣ подѣхалъ Кенигъ и сталъ глумиться надъ рабочими: «Подождите, подождите, а мнѣ ждуть некогда, я покуда поѣду въ городъ». На заявленіе рабочихъ,

что за его отсутствием чиновнику нельзя будет разобрать дѣло, Кенигъ на то отвѣтилъ: «подождите!» — и преспокойно отправился въ городъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ его отъѣзда прѣехалъ чиновникъ и, узнавши, что Кенигъ не захотѣлъ его дожидаться, смѣрено заявилъ, что онъ можетъ подождать «господина Кенига». Прошло около часу бесплоднаго ожиданія на сильномъ морозѣ. Соскучившіеся рабочіе стали донимать чиновника шуточками, высказывая предположеніе, что шинель недостаточно грѣетъ «генерала». Мало по малу шутки стали переходить въ рѣзкія замѣчанія, а затѣмъ и въ брань. «Отъ него ничего не дожидаться», кричали рабочіе, «онъ тоже, должно, съ хозяина-то получилъ!» Чиновникъ разсвирѣпѣлъ: «Бери ихъ, подлецовъ!» — крикнулъ онъ близъ стоявшимъ городовымъ. Но четверо полицейскихъ ничего не могли подѣлать съ выведенною изъ терпѣнія толпою: рабочіе не позволили арестовать никого изъ своихъ товарищей. Въ эту кригическую минуту вернулся изъ города Кенигъ, и рабочіе успокоились, въ ожиданіи разбора ихъ дѣла. Оказалось, что несчастный чиновникъ прѣезжалъ совершенно напрасно. Несмотря на все предъидущія застраиванія, рабочіе твердо настаивали на исполненіи ихъ требованій, а такъ какъ Кенигъ не желалъ уступить, то все они взяли расчетъ.

Количество рабочихъ на бумагопридѣлыват. Кенига было невелико: около 200 человекъ, изъ которыхъ взрослыхъ было не болѣе 80. Поэтому онъ безъ труда нашелъ новыхъ рабочихъ, которые согласились на условія пошестинѣ невѣроятныя. Рабочій день продолжается нынѣ на бумагоприд. Кенига съ 5 ч. утра до 12 ч. вечера; изъ этихъ 19 ч. только 1 ч. полагается на ѣду. Мы не говоримъ о другихъ условіяхъ, которыя были бы непонятны читателю, не имѣющему спеціальнаго знакомства съ техникой прядильнаго ремесла. Скажемъ одно — все они сводятся къ тому, что, затрудняя трудъ рабочаго, сильно понижаютъ и безъ того низкій заработокъ.

Пусть же судить читатель, ошибаются ли люди, утверждающіе, что русскій рабочій находится подъ двойнымъ гнетомъ рабства экономическаго и политическаго.

Въ тѣхъ ремеслахъ, гдѣ предложеніе труда не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, какъ въ прядильномъ и ткацкомъ, стачки не всегда кончаются въ ущербъ рабочимъ.

Такъ, напр., въ концѣ августа, на фортепьянной фабрикѣ Беккера, что на набережной Большой Невки, произошло столкновеніе рабочихъ съ хозяевами по слѣдующему поводу. Въ одной изъ мастерскихъ фабрика работаетъ до 40 ч. Половина изъ нихъ т. н. ящичники, т. е. столары, дѣлающіе остова фортепьяно, остальные — сборщики — ящики. Все эти рабочіе получали отъ хозяина квартиру, отопленіе и освѣщеніе. Говоря точнѣе, они жили частью въ кухлѣ, частью въ мастерской. Въ описываемое нами время, хозяину понадобилась кухня, и онъ безъ церемоній приказалъ рабочимъ очистить ее. Такимъ образомъ, имъ предстояли новыя расходы на квартиру, и они рѣшили требовать повышенія поштучной платы, именно, прибавить на каждый «ящикъ» по 2 р. (пржежня плата доходила до 29—38р. за ящикъ). Хозяинъ отвѣчалъ, что они легко могутъ увеличить свой заработокъ, если перестанутъ «понедељничать», т. е. будутъ аккуратнѣе являться на работу въ понедељникъ. Рабочіе забастовали. Черезъ три дня хозяинъ объявилъ черезъ мастера, что онъ согласенъ на повышеніе платы, и работа пошла по прежнему; только г. Беккеръ пересталъ заходить въ мастерскую, оиозорившую себя «буштомъ».

Такъ-же неудачно для хозяевъ кончились стачки на табачныхъ фабрикахъ Мичри и Шапшала. Эти послѣднія стачки тѣмъ интереснѣе, что онѣ произошли въ средѣ исключительно женской.

24 сентября, на табачной фабрикѣ Мичри появилось объявленіе, въ подлинно управлѣющаго, гласнѣе приближенно слѣдующее:

«Смыъ объявляю, что папиросницы, получавшія 65 к. за 1000 шт. папирсръ 1-го сорта, отнынѣ будутъ получать 55 к.; за 1000 папирсръ 2-го сорта, вмѣсто прежнихъ 55 к., будетъ платиться 45 к.»

Это пониженіе платы мотивировалось плохимъ сбытомъ готовыхъ папирсръ.

Мастерицы, какъ называютъ себя работницы, сорвали это объявленіе и отправились въ контору для объясненій. Тамъ онѣ объявили прикажкѣ, что не согласны работать за уменьшенную плату и просили принять отъ нихъ малочки и малянки для дѣланія папирсръ. Отвѣтомъ на это заявленіе была непечатная брань со стороны прикажкѣ. Онъ предложилъ имъ убираться немедленно, такъ какъ на ихъ мѣсто много охотницъ. Грубое обращеніе прикажкѣ окончательно взорвало мастерицъ: палочки, машники, скамейки полетѣли въ окна; прикажкѣ струсила и послала за хозяйномъ Г. Мичри не заставивъ себя долго ждать. Онъ немедленно явился на фабрику, и ласковая рѣчь его, а болѣе всего обѣщаніе не понижать плату успокоили толпу, составившую приблизительно изъ 100 мастерицъ. Поишка понизить и безъ того невысокую плату окончилась поною неудачей.

Черезъ 2 дня также исторія повторилась на табачной фабрикѣ бр. Шапшаль*), на Пескахъ.

26 сентября на фабрикѣ было вывѣшено слѣдующее объявленіе:

МАСТЕРИЦАМЪ ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ ШАПШАЛЬ.

«Смыъ объявляю, что, по случаю остановки товара, я сбавляю съ каждой 1000 папирсръ—10 коп.»

Шапшаль.

Мастерицы, здѣсь уже въ количествѣ 200, немедленно сорвали это объявленіе, и на его мѣсто вывѣсили слѣдующее:

ХОЗЯИНУ ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ ШАПШАЛЬ.

«Мы, мастерицы вашей фабрики, смыъ объявляемъ, что не согласны на сбавку, потому что и такъ отъ нашего заработка не можемъ порядочно одѣться.»

Мастерицы вашей фабрики.

Прикажкѣ собралъ мастерицъ и потребовалъ, чтобы онѣ указали писанную объявленіе. Это требованіе было встрѣчено рѣшительнымъ отказомъ. Мастерицы заявили прикажкѣ, что объявленіе писалось отъ имени всехъ ихъ, и что ни одна изъ нихъ не согласна на пониженіе платы. Онѣ начали обираться и уходить. Прикажкѣ оставалось только «умыть руки» и послать за хозяиномъ. Послѣ тщетныхъ попытокъ убѣдить мастерицъ работать за пониженную плату, г. Шапшалу пришлось уступить — величина платы осталась прежняя.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА.

Аресты и обыски. — Студенческія волненія. — Земство и администратція. — Татарскія волненія. — Чума.

— Какъ будто чего недостаетъ, когда пройдутъ сутки и не слышишь о новыхъ арестахъ и обыскахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ обыскъ, а тѣмъ болѣе арестъ, былъ событіемъ въ городѣ. Теперь долготерпѣливались до того, что лишеніе свободы, насиліе домашняго очага стали для насъ привычнымъ, повседневнымъ явленіемъ. Можно было бы наполнять цѣлый ящикъ однимъ описаніемъ арестовъ; волей-неволей приходится поэтому останавливаться только на выдающихся случаяхъ и подводить итоги остальнымъ. Просто, надобно будетъ открыть особый отдѣлъ въ журналѣ, подъ заглавіемъ: «Вѣдомость арестовъ, обысковъ и ссылки». Не смотря на свое недавнее существованіе, «Земля и Воля» имѣетъ уже свой вартирологъ. Въ 3-ей гимназій былъ уже обыскъ въ среднѣ ноября изъ-за «Земли и Воли». Студентъ московскаго техническаго училища, Левенталь, былъ схваченъ на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги съ заграничными изданіями и нѣсколькими экземплярами «Земли и Воли». Но, кромѣ обычныхъ козловъ отпущенія — русской молодежи, на этотъ разъ полицейскіе прихватили и лицъ изъ другихъ сферъ. Побывали жандармы и въ главномъ штабѣ, и въ правленіи Ноты-Тифлисской жел. дорогъ. Въ этомъ учрежденіи визитъ былъ вызванъ доносомъ швейцара. Не желая, вѣроятно, держать на свой счетъ полицейскаго шпиона, правленіе расчислило его. Полиція сочла нужнымъ сдѣлать запросъ директору, какъ онъ осмѣлился прогнать такого прекраснаго человека. Скоро обижуть всѣ частныя учрежденія столицы имѣть на жадованія по нѣсколькимъ шпионамъ между служащими.

Хроника иногороднихъ арестовъ тоже обогатилась нѣсколькими небезинтересными фактами. Въ Москвѣ было сдѣлано нападеніе со взломомъ дверей на квартиру учительницы Александровой. У нея захваченъ былъ ибкто Ардибушевъ, котораго полиція, мосья истеріи съ московскимъ мясницкимъ поболшемъ, отпустила на поруки.

*) Хозяева разныхъ табачныхъ фабрикъ, очевидно, стаянулись, понизить плату одновременно.

его матери. Обыск и арест сопровождался рядом грубых нападений. Александровой жандармы, желая вырвать у нее изо рта какую-то бумажку, испарнали все лицо, повалили ее на пол и надели ей побои. Нашествие иноплемennых и арест Александровой произвели страшное впечатление на двух ее сожителниц и учениц, крестьянских дѣвушек, которых она приготовила к учительскому званью. Одна из них, как говорят, и до сих пор еще не может оправиться от неожиданной катастрофы. Замѣтим здѣсь, кстати, что Александрова была одною из лучших учительниц народного образования была известна всѣмъ, интересовавшимся этимъ дѣломъ, репутація, въ смыслѣ легальности, безкорыщенности. Ничто, однакоже, не спасло ее отъ Петропавловки, гдѣ она и Арцибушевъ содержались уже около мѣсяца, и мы не слышали, чтобы гг. либералы, восхвалявшие дѣятельностью этой фанатички народной школы, сдѣлали хоть какую-нибудь попытку похлопотать объ освобожденіи невинно-страждущаго человека. Можетъ быть, не упакетъ-ли хоть этого случая наивно вѣрующимъ еще въ возможность народного про свѣщенія въ Россіи, что дѣятельность, въ какой бы то ни было формѣ, на пользу народа—самая дурная аттестация въ глазахъ начальства, и заслуги на этомъ поприщѣ—прямые шаги къ тюрьмѣ.

Изъ другихъ обысковъ, мы упомянемъ только о бывшемъ въ началѣ декабря въ Петербургѣ на Кронверкскомъ просп. Интересенъ онъ тѣмъ, что при немъ со всею строгостію соблюдалось постановление объ употребленіи жандармами оружія: вся свята пристава во все время обыска держала револьверы наготовѣ, чуть-ли не со введенными курками. Приятное положеніе—простоять нѣсколько часовъ подъ дуломъ пистолета, и потомъ прочесть въ протоколѣ обыска, что у васъ „ничего подозрительнаго не найдено“.

Закончимъ нашъ обзоръ арестовъ и полицейскихъ преслѣдованій сообщеніемъ двухъ трагическихъ происшествій. Мы привели уже выше письмо Бобохова, оказавшаго вооруженное сопротивление при поимкѣ его урядникомъ. Это не единственный случай за послѣднее время. Въ Старой Русѣ полиція аре товала офицера нѣмецкаго полка Дубровина и рядового изъ вольноопредѣляющихся Эрама Лобойко. Чѣмъ навлекли они на себя подозрѣніе полиціи—въ точности не известно. Говорятъ о какихъ-то перекрѣченныхъ письмахъ, о сношеніяхъ со столицей, но все это не болѣе, какъ слухи. Известно только, что Дубровинъ, при появленіи жандармовъ, рѣшился не даваться живымъ въ руки и сдѣлалъ по нимъ три выстрѣла. Борьба была неравной. Архаровцы напали на него и принудили крутить ему руки. „Эразмъ! вырчай!“—крикнулъ онъ Лобойко, находившемуся въ другой комнатѣ. Лобойко бросился на помощь товарищу съ кличаломъ въ рукахъ, но и ему удалось только раздѣлить участь товарища. Бобоховъ, Дубровинъ и Лобойко, говорятъ, уже привезены въ Петербургъ. Интересно знать, хватить-ли у правительства наглости примѣнить къ нимъ законъ о вооруженномъ сопротивленіи чинамъ полиціи? Отнесется-ли обществу по прежнему безучастно къ проявленію правительственнаго разбойничества? Если да, то пусть не сѣтуетъ на тѣ послѣдствія, которыя оно неминуемо вызоветъ за собою. И такъ уже многія жертвы ждутъ своего отмщенія, много злодѣевъ избѣжало суда. Дальше такъ продолжаться не можетъ!

— Въ прошлый разъ мы не окончили нашего разсказа о студенческихъ волненіяхъ; теперь, прежде чѣмъ перейти къ продолженію его, исправимъ вкрадшуюся ошибку: членами суда были не названные нами лица, а профессора Вауэръ и Фаминцинъ, подъ предѣлительствомъ Таганцева. Насколько дешево отдѣлались университетскіе студенты, благодаря стремленію ректора и профессоромъ охранять университетъ отъ вмѣшательства полиціи, настолько крута была расправа въ Академіи, гдѣ начальство выдало студентамъ Зурову голову. Сходка на другой день послѣ побѣненія и ареста студентовъ въ Московскихъ казармахъ окончилась безъ кровавой катастрофы, только благодаря тому, что студенты успѣли раньше разойтись. Войска намѣтѣно достаточно, полиція гнала публику по дворамъ и приказывала дворникамъ закрывать ворота и закрывать ставни въ нижнихъ этажахъ. Расправа, очевидно, готовилась на славу и только случайно не была приведена въ исполненіе. Относительно исторіи съ арестомъ 142 студентовъ въ манежѣ Московскихъ казармъ, намъ сообщено много данныхъ, а потому мы имѣемъ полную возможность восстановить это событіе во всѣхъ его подробностяхъ.

Оказывается, что сходка, бывшая 30-го ноября въ химической аудиторіи въ 3 ч. дня, по поводу арестовъ нѣсколькихъ студентовъ (братьевъ Дубинскихъ, Гончарова, Поливанова и др.) и для выслушанія отбѣта Зурова, къ сумеркамъ успѣла уже разойтись. Большая часть лицъ, подвергшихся аресту въ Московскихъ казармахъ, состояла изъ любопытныхъ, изъ занимавшихся въ студческой библиотекѣ, изъ ожидавшихъ тамъ открытія анатомической залы и изъ лицъ, прішедшихъ освѣдомиться, почему полиція прекратила сообщеніе между Выборгской стор. и городомъ черезъ Воскресенскій

мостъ. Констатированъ также фактъ, что полиція не дала студентамъ времени разойтись и пустила на толпу жандармовъ въ карьеръ съ саблями на-голо. Относительно употребленія нагаекъ, удостовѣрено точно также, что онѣ, какъ общая штра, не прилагались къ дѣлу. Рядомъ съ нагайками, въ очень обширныхъ размѣрахъ практиковались пиклы, удары саблей пламья, приклады и т. д. Студенты просили позволенія разойтись, начальство рѣшило въ отбѣтъ „поздно!“ Между тѣмъ обычнаго трехкратнаго предупрежденія не было сдѣлано. Вмѣстѣ съ тѣмъ было отдано громогласно приказаніе: „смотри́ть, чтобы ни одна шея не вырвалась!“

Тонъ и обращеніе вышнихъ чиновъ со студентами тоже не оставляли желать ничего лучшаго: когда дворъ Академіи и библиотека были окружены, одинъ изъ студентовъ громко сказалъ: „господа! расходиться поздно—намъ остается только держать себя съ достоинствомъ“. Слова эти были услышаны жандармскимъ офицеромъ; студентъ былъ схваченъ и представленъ главнокомандующему внутренней арміей. Генералъ (очень жаль, что намъ не сообщенъ его фамилія: полезно было-бы ее знать) приказалъ казаку студента держать за воротъ, „а въ случаѣ что—бить по рожѣ“. Одинъ изъ офицеровъ, замѣтивъ напроску у студента, заоралъ на него, какъ бѣшеный: „брось, не вѣжай!“ (Какая великоблудская требовательность!) Пикля, ругательства, полное бахвальство, до котораго только можетъ дойти трусъ надъ безоружнымъ человекомъ,—все это уже достаточно констатировано дѣлою сотнею свидѣтелей. Замѣчено также было, что въ атаку пушены были нижние чины жандармскаго эскадрона; офицеры же появились только тогда, когда убѣдились, что опасности никакой нѣтъ и бить не можетъ.

Во все время ареста въ библиотекѣ и на дворѣ жандармы были съ саблями на-голо, а казаки держали нагайки въ рукахъ. Арестованныхъ препровождали въ Московскія казармы, окруживъ сплошнымъ строемъ солдатъ, казаковъ и жандармовъ. Напрасно студенты просили идти потише, такъ какъ двое изувѣченныхъ не могли двигаться сами и ихъ пришлось нести и вести подъ руки. „Не издохнуть!“—утѣшали солдаты, и въ то же время раздавалась воинственная команда: „Нажми на хвостъ!“ Вслѣдъ за тѣмъ пукались въ ходъ приклады и ругательства. Замѣчено было всѣмъ много пыхнень между солдатами, особенно между жандармами. Очевидно, порядокъ всего лучше возстановлять въ пьяномъ видѣ. Это доказалъ еще Наполеонъ III.

Студенты были помѣщены не въ казармахъ, а въ манежѣ Московскаго полка—холодномъ и сыромъ зданіи; спать пришлось имъ на мокрой соломѣ. Многие изъ нихъ схватили бронхитъ и лихорадку. Только на другой день отведено было имъ отопляющееся помѣщеніе, но до такой степени тѣсное, что пришлось пролить раздробленія выбиты стекла—иначе заключеннымъ грозилъ асфиксія. Начальство было, очевидно, очень разочаровано, когда, произведя ревизію и перекличку арестованнымъ, нашло среди 142 человекъ всего только одного посторонняго, молодого человека, готовящагося въ какое-то высшее учебное заведеніе. Какіхъ свирѣпыхъ революціонеровъ нахватавъ Зуровъ, можно видѣть уже изъ того, что, на предложеніе нѣкоторыхъ подать протестъ начальнику Академіи противъ самоуправства полиціи, изълики согласіе только 63 человека изъ 142. Подозрительнаго у большинства ничего не найдено, что однакоже не помѣшало начальству выбрать 25 человекъ и отправить ихъ въ пересильную тюрьму. 9-го остальныхъ выпустили, съ угрозою: при малѣйшемъ намекѣ на неблагонадежность, поступить съ ними безжалостно (до сихъ поръ поступали, должно быть, очень гуманно!).

Вотъ списокъ лицъ, взятыхъ изъ манежа для высылки въ сѣверныя губерніи. Студенты I курса: Соколовъ, Флалатовъ, Гречъ, Мануйловъ, Лебедевъ Николай, Шваровъ, Кушницкій и Годзевичъ; студенты II к.: Сипяжарскій, Делачъ и Куминовъ; III-го курса: Косоротовъ, Мапоцкій, Зялинцевъ, Поповъ и Федоровъ; IV-го курса: Емельяновъ, Гаркави, Сироткинъ, Кляцковъ и Модестовъ; V-го к.: Чудновскій и Ершелевскій; Арустамовъ—вольнослушатель. Арешевъ и Гейдаровъ—постороннія лица. Итого 26 человекъ. В-ѣли они уже высаны или нѣтъ—мы опредѣлительно сказать не можемъ. За то относительно арестованныхъ раньше по этому дѣлу: братъ Дубинскихъ, Поливанова, Гончарова, Сметанина и Урусова—мы имѣемъ свидѣнія, что ихъ нѣтъ уже въ городѣ.

Что же сдѣлало академическое начальство и ученые сплнить для предотвращенія безобразныхъ послѣдствій этой исторіи? Пока неизвѣстно. Знаемъ только, что лейбъ-медикъ Боткинъ успокоивалъ студентовъ, говоря, что правое дѣло всегда восторжествуетъ, а потому и безноваться нечего. Знаемъ, что „Правительственный Вѣстникъ“, якобы со словъ Скипассоваго и Богдановскаго, опровергалъ слухи о побояхъ и увѣчьяхъ; арестованные промѣ того заявляли команутымъ профессорамъ, что гигиеническая обстановка ихъ временной тюрьмы невыносима; но получили отвѣтъ, что они, гг. профессора, ничего сдѣлать не могутъ. Мы сильно сомнѣваемся въ правительственномъ сообщеніи, скажемъ болѣе—это ехидное извращеніе профессорскихъ показаній. Случаевъ тяжкихъ увѣчій было

было только два — это вѣрно, но объясненіе, что потерпѣвшіе сами себя паубѣчили во время бѣгства (вѣроятно, чтобы ловче бѣжать?) принадлежатъ г. Макову. Богдановскій зналъ, что студенты были во дворѣ академіи въ шубахъ и пальто. При такихъ обстоятельствахъ и сильныхъ побояхъ иногда не оставляютъ послѣ себя вѣстныхъ признаковъ, протѣ подтековъ и т. д. Онъ не рѣшился бы давать рискованнаго показанія, что студентовъ не было. Наконецъ, мы знаемъ изъ достовернаго источника, что „Правительственный Вѣстникъ“ передалъ его показаніе невѣрно. Кроме того, протокола осмотра потерпѣвшихъ за подписями Склифасовскаго и Богдановскаго мы не видали, а мы знаемъ, какъ бездерожно обращаются у насъ со словесными объясненіями правительственные органы. Поэтому мы не рѣшаемся возлагать ответственность за сообщеніе „Прав. Вѣст.“ на гг. профессоровъ и всецѣло приписываемъ его наглости г. Макова.

Хорошо заявляя себя и наша надежда, г. наследникъ престола. Правда, посягае слухи, что онъ былъ въ московскихъ казармахъ съ экс-супругомъ г-жи Числовой и совѣтовалъ получить обращеніе со студентами; но это пока еще одна легенда. Фактъ — заявленіе, вывѣшенное въ академіи въ отвѣтъ на прошеніе къ нему студентовъ, гдѣ объясняется, что студенты должны обращаться со своими просьбами по начальству, установленнымъ порядкомъ: обращеніе же къ нему незаконно и остается безъ послѣдствій. Что за свистно, подумаешь! Къ человѣку обращаются съ просьбой о насущныхъ нуждахъ, ему оказываютъ довѣріе, котораго онъ до сихъ поръ еще ничѣмъ не заслужилъ, — а онъ, вмѣсто дѣльнаго отвѣта, заявляетъ, что просьба подана не съ того крыльца!

Харьковскій и петербургскія военныя въ университетахъ и медицинско-хирургической Академіи не пропали безслѣдно и для другихъ учебныхъ заведеній: даже путейцы рѣшились нарушить молчаніе и подали петицію министру По вету, приблизительно такого же содержания, какъ и медицинская. Министръ заявилъ имъ въ отвѣтъ, что ходатайство ихъ незаконно. Будто студенты сами не знали этого! Какъ-то намъ извѣстно, домогательства путейцевъ такъ и остались безъ всякихъ послѣдствій.

Перейдемъ теперь къ провинціальнымъ университетамъ. Въ Кіевѣ началось затуманило студенческія военныя, прекратилъ преждевременно чтеніе лекцій и объявивъ о рождественскихъ каникулахъ. Къ чести университета нужно сказать, что онъ съ своей стороны употребилъ все усилія къ тому, чтобы не допустить полиціи до расправы въ университетѣ.

Всю силу репрессій и ненависти правительства къ молодежи пришлось испытать на себѣ многострадальнаго харьковскаго унвер. Попечитель округа, какъ извѣстно, отказался дать сколько нибудь осмысленный отвѣтъ на заявленія и требованія студентовъ.

Въ университетѣ продолжались собранія, гдѣ студенты этого заведенія, купно со слушателями ветерин. института, обсуждали, что предпринять въ дальнѣйшемъ, для обезпеченія требуемыхъ правъ.

Нѣкоторые изъ профессоровъ, напр., Данежскій — преподаватель международного права, утѣщали студентовъ держать строго легальную поочву, и эти заявленія не только не вызвали протеста, но находили даже отголосокъ между студентами. Словомъ, не было никакихъ признаковъ, которые указывали-бы на подготовленіе какой-либо демонстраціи противъ властей, не говоря уже о чѣмъ-либо болѣе серьезномъ.

13 декабря, совершенно неожиданно для большинства студентовъ, было вывѣшено въ 8 ч. вечера объявленіе въ университетѣ о открытіи его „по случаю приближающихся праздниковъ“. Почти никто изъ студентовъ не выдалъ этого объявленія, а потому на другой день съ утра началъ подходить къ университету студенты и профессора: кто на лекціи, кто за полученіемъ писемъ, кто за отпущеніемъ на вакантное время; но, къ удивленію, нашли около запертыхъ дверей храма науки штукъ 60 полицейскихъ, не пускающихъ никого въ зданіе. На всѣ вопросы одинъ отвѣтъ: „заперто, пущать не велѣно“. Среди общаго не оумѣнія, является испр. должность губернатора — Мартенсъ и требуетъ, чтобы толпа немедленно разошлась. Раздаются вопросы, требуютъ объясненія: но Мартенсъ, не давши никакого толковаго отвѣта, объявляетъ, что даетъ собраніямъ 5 минутъ сроку чтобы разойтись, и затѣмъ, не слушая никакихъ объясненій ретирруется неизвестно куда. Появляются двѣ сотни казаковъ, спѣшваются и окружаютъ собравшуюся толпу. Около оцепленной группы собирается толпа любопытныхъ. Ректоръ университета является изъ своей квартиры къ студентамъ и проситъ ихъ разойтись. „Мы бы рады, да казаки насъ не пускаютъ“ — слышится отвѣтъ. Предвидя, что дѣло не окончится добромъ, ректоръ приглашаетъ студентовъ войти въ правленіе университета. Есаулъ, командовавшій казаками, съ трудомъ согласился пропустить одного ректора, а относительно студентовъ, неизвѣстно ради чего, гаркнулъ: „огда рождено не пощажу!“ Несмотря на такой наглый, вызывающій образъ дѣйствій, несмотря на то, что казаки были пьяны и направились на дерзости, толпа сохраняла полное спокойствіе. Черезъ нѣсколькo минутъ получаетъ офицеръ какую-то таинственную записку отъ

Мартенсы, вѣсть ее и командуетъ: „въ плети!“ Начинается безобразная сцена. Мы имѣемъ около 10 корреспондентій объ этомъ событіи, отъ лицъ различнаго званія и положенія въ обществѣ. Тонъ ихъ и оцѣнка событія различны, но всѣ сходятся въ чувствѣ глубокаго омерзенія и ужаса передъ описаніемъ этого Мамаева побоища. Казаки, которыхъ было, по крайней мѣрѣ, вдвое-втрое больше, нежели студентовъ, и которые могли бы ихъ просто разобрать по рукамъ, тѣмъ болѣе, что никто не сопротивлялся, — кинулись бить на смерть нагайками студентовъ.

Предоставляемъ слово одному изъ многочисленныхъ очевидцевъ этого событія:

„Крики, вопли, стоны раненныхъ и слытыхъ и дѣныя возгласы казаковъ — все это представляло какую-то картину времени монгольскаго нашествія. Скоро все смѣшалось въ одну кучу. Нетолко студентамъ, досталось и профессорамъ, и посторонней публикѣ. Страшно побѣдилъ дѣлосъ минутъ пять. Хорошо было тому, кто успѣлъ вырваться и спастись бѣгствомъ. Упавшихъ затоптывали и били нагайками. Очевидно, правило „декачаго не бьютъ“ между казаками не имѣетъ права гражданства. Били, какъ я уже сказалъ, кого попало. Одинъ кучкина, въ экстазѣ кричавшій: „катай, катая ихъ, бунтовщиковъ!“ — самъ получилъ нѣсколько нагаекъ по голови.

Результаты побоища были ужасны: вся улица была покрыта обрывками платья, сброшенными шапками, на снѣгу были видны слѣды крови. Кое-гдѣ, прихрамывая, съ окровавленными лицами, въ разорванной одеждѣ, уходъ, спасались побитые; нѣкоторыхъ веди подъ руки. Четверыхъ студентовъ (Попова, Филипова, Протасова и Млхайлова) стацили замертво въ клинику.“

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ другіе корреспонденты сообщаютъ много возмутительныхъ подробностей: одному оторвали носовой хрящъ, другого повалили двое казаковъ на землю и били нагайками по животу.

Какую цѣль имѣла эта варварская потѣха — трудно сказать. Ни казаки, ни полиція никого не арестовали и не пытались арестовать; и тѣ, и другіе, гордые своимъ триумфомъ, отправились во слояси. Аресты послѣдовали только на другой день. Начальство телеграфировало о своей побѣдѣ въ Петербургъ. Откуда спросили только о числѣ взятыхъ въ плѣнъ. Харьковская администрація спохватилась, что надобно кого нибудь арестовать и пустилась по городу набирать студентовъ подъ арестъ, кого попало. Нахватали много лицъ, не бывшихъ въ этотъ день на улицѣ передъ университетомъ. Дѣлать нечего, полиція надобно было имѣть арестованныхъ откуда бы то ни было. Каждый студентъ, кроме того, вѣдоветъ уже въ томъ, что онъ студентъ. Стало быть, кого ни возьми — все будетъ ладно.

Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ сообщаетъ, что администрація затѣвала и въ Харьковѣ устроить „проявленіе народнаго званья смысла“ во вкусь Аксакова и „Московскихъ Вѣдомостей“ „Поскольку извощиковъ, мелкакъ приказчиковъ и дворниковъ“ бить бунтовщиковъ; противъ ожиданія полиціи, казакскія плети дѣйствовали слишкомъ усердно и собственноручное извощичье заявленіе правительственныхъ смѣшати залоздало.

Надобно ли комментировать этотъ фактъ? Не правы ли были мы, когда въ возваніи „Къ всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ“ прекрекали, что скоро будутъ думать и рѣзать студентовъ на улицахъ? Не правы ли были мы, когда сравнивали студентовъ съ маленькими всѣхъ правъ состоянія каторжниками? Спросимъ мы теперь, какой отвѣтъ возможенъ со стороны молодежи на эти трагическія казакскія и жандармскія извѣтъ-ли теперь она право своимъ сумою вѣшать на оселку такихъ бышенныхъ собакъ, какъ Зуромъ и Мартенсы, или ей остается слѣдовать совѣту харьковскихъ профессоровъ и „заниматься наукой“ въ ожиданіи новаго извѣщенія? Бѣгать, позволяемъ себѣ усумниться въ искренности этого „искренняго слова“ харьковскихъ профессоровъ къ студентамъ, не говоря уже о ебѣ безтактности. Что бы сказалъ любой изъ нихъ, еслибы ему дали оплеуху и, въ видѣ утѣшенія, посоветовали бы углубиться въ изученіе своей специальности?

Нашъ же совѣтъ студентамъ, какъ и всегда — продолжайте развѣ начатое дѣло, не останавливайтесь на полдорогѣ, не соизвѣайте въ своей молодости по чьему прецедента отреченія отъ своей цѣли при первой опасности.

Справедливости, правды и суда отъ правительства не ждите. Оно наградитъ генералами отъ кавалеріи слопхъ башки-бузуконъ, а всѣхъ угонитъ въ Восточную Сибирь.

Если вы бросите теперь ваше дѣло — всѣ жертвы рискуютъ пропасть даромъ, а между тѣмъ при настойчивости можно добиться кой-какихъ результатовъ.

Какъ на оградный фактъ въ этомъ движеніи мы можемъ указать на запяску совѣта петербургскаго университета министру народнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію имѣсто намъ не позволяеть оцѣнить чистоту сѣтлѣвъ жюбоничнымъ документомъ и мы вынуждены его ограничить приложивъ, изложивъ и исторію его возникновенія. Вѣри же достаточно будетъ сказать, что въ ч. сѣтлѣвъ члѣнѣ, бывавшащѣ въ вѣдѣніи въ Высшійхъ учебныхъ заведеніяхъ,

идея выставляется общее неудовлетворительное состояние России и неспасения студентов III Отделения.

Мѣрами къ прекращению волнений университетъ считаетъ восстановление своей автономии и права защиты студенческихъ интересовъ въ столкновенияхъ съ полиціей, восстановление студенческихъ учреждений, уничтоженныхъ послѣ 1863 года.

Въ запискѣ много реакціоннаго, но, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не поздравить петербургскій университетскій совѣтъ съ поступкомъ, достойнымъ порядочныхъ людей.

Подождемъ, что выйдетъ изъ этого ходатайства.

Говорятъ, что Толстой совершенно расходится съ Исаковымъ по вопросу о допущеніи студенческихъ сходокъ. Министръ народнаго просвѣщенія ставитъ, какъ говорятъ, ультиматумъ—или сходки или его отставка.

Такимъ образомъ, общество ждетъ двойное одолженіе: правильное рѣшеніе студенческаго вопроса и избавленіе нашей школы отъ синодальскаго нашествія.

Какъ известно, Толстой не министръ просвѣщенія, а министръ, оберегающій наше отечество отъ вредныхъ послѣдствій просвѣщенія, если гдѣ такое, помню его стараній, проявится. Благодаря его стараніямъ, уже много земствъ махнулъ рукой на народное образованіе. Въ послѣднее время ему удалось доконать одно изъ самыхъ упорныхъ земствъ по части народнаго образованія—Тверское. Послѣ директара по вѣствующаго графа, отнимавшаго у земства всякіе шансы на контроль надъ школой, послѣ закрытія учительской семинаріи, доказавшей свою зловредность тѣмъ, что она дада уже губерніи два выпуска хорошихъ педагоговъ, земство рѣшило вычеркнуть изъ своего бюджета расходы на народное образованіе, а имѣющійся на этотъ предметъ капиталъ отчислить въ записныя сумми. Земство мотивировало свое рѣшеніе тѣмъ, что оно не можетъ обогатить населеніе, и безъ того уже обремененное налогами, на такіе предметы, по которымъ не можетъ контролировать расходы и дать отчетъ въ целесообразномъ и добросовѣстномъ ихъ употребленіи.

Если съ одной стороны мы видимъ гоненіе земской инціатины въ сферѣ, отведенной ей закономъ, то съ другой стороны, въ прошломъ году нѣкоторые земства пытались, наоборотъ, расширить сферу своей дѣятельности, ставъ дѣйствительными политическими органами мѣстнаго самоуправленія.

Правительство съ своимъ сообщеніемъ о преслѣдованіи зловредныхъ идей мѣстами напросилось съ ковшомъ на брагу. Оно думало доучить въ отвѣтъ одно только „ради стараться!“ и дюжину инцидентовъ, изъясненіемъ на земскій счетъ, но получило изъ нѣкоторыхъ мѣстъ отвѣты, вродѣ слѣдующихъ: „Ты просишь нашей помощи, значитъ, должно признать въ насъ людей, имѣющихъ дерзкій возрастъ, и право инципации; помощь можетъ быть оказана тогда только, когда ты дашь намъ право такъ или иначе обсуждать политическіе вопросы“. Приблизительно такой смыслъ имѣетъ предложеніе харьковскаго гласнаго Гордѣнко, принятое всѣмъ земскимъ собраніемъ.

Надѣемся передать записку г. Гордѣнко подробно въ слѣдующемъ №, пока же добавимъ только, что г-нъ Гордѣнко посланъ изъ Харькова административнымъ порядкомъ. Вотъ и правительственный отвѣтъ на ходатайство земства. Что касается до распространения на Харьковскую губ. правилъ о печати, дѣйствующихъ въ столицахъ, то, въ замѣнъ этого, правительствомъ найдено нужнымъ распространить на г. Харьковъ правила о полиціи, практикуемыя въ столицахъ.

Харьковское „требованіе конституціи“ было не единственнымъ примѣромъ въ этомъ родѣ. Въ Орлѣ, говорятъ, тоже заходила рѣчь о какомъ-то фортепъ въ этомъ вкусѣ, но онъ былъ своевременно предупрежденъ администраціей. Бохѣ извѣстна намъ сущность неудачной попытки попросить „конституціи“ въ Полтавскомъ земскомъ собраніи. Послѣ чтенія правительственнаго сообщенія одинъ изъ гласныхъ высказался, что въ отвѣтъ на просьбу правительства о содѣйствіи надобно опредѣлить условия, при которыхъ такое содѣйствіе со стороны земства можетъ имѣть мѣсто. Мысль была одобрена собраніемъ и оно немедленно избрало комиссію для изложенія въ ходатайствѣ на высочайшее имя соображеній о необходимости расширенія правъ земства. Слухъ обо всей этой исторіи дошелъ до губернатора. Надобно было случиться бѣдѣ, что губернаторъ затребовалъ къ себѣ предсѣдателя земскаго собранія какъ разъ въ то время, когда тотъ только что получилъ рукопись комиссіи. Начальникъ губерніи безъ труда выманялъ злосчастный документъ у растерявшагося предсѣдателя и посоветовалъ ему впредь на такомъ прудерности не посягать.

На другой день собраніе требуетъ отъ предсѣдателя чтенія доклада комиссіи. Тотъ отказывается по „независимымъ обстоятельствамъ“. Требуютъ занести отказъ въ протоколъ. Предсѣдатель отказывается „по независимымъ обстоятельствамъ“. Дальше—больше, у предсѣдателя оказалось столько „независимыхъ“ отъ него обстоятельствъ, что въ собраніи поднялся шумъ и протесты, такъ что

несчастный предсѣдатель долженъ былъ закрыть собраніе, разумеется „по независимымъ“ отъ него обстоятельствамъ.

Осмѣливаемъ думать, что, еслибы остальныя земскія собранія рѣшились высказаться въ томъ-же духѣ, вѣроятно, на будущее время у нихъ было бы больше власти надъ обстоятельствами.

— Освобожденіе болгаръ имѣло своимъ результатомъ преслѣдованіе не однихъ студентовъ; оно захватило также и магометанское населеніе нашего востока. Изъ газетъ читателямъ извѣстно уже, что, благодаря умной загѣ казанскаго губернатора Скарятина имѣли въ татарскихъ деревняхъ колокола на кашпачахъ, въ Чистопольскомъ уѣздѣ поднялось магометанское населеніе, избито старшину въ одной волости, изувѣчило писаря, и волненіе быстро охватило не только всему Чистопольскому уѣзду, но перешло и въ смежныя съ нимъ мѣстности.

Понятно, что колокола сами по себѣ не могли бы взбунтовать татаръ, еслибы правительство раньше не дѣлало посягательства на ихъ религіозную свободу.

Послѣдствія такіа бывали и особенно усилились они за послѣднее время. У татаръ было много своихъ школъ. Правительство пришлось доплатить ихъ разными косвенными путями. Немало было толковъ изъ за того, дадутъ ли окончаніе курса въ татарскомъ училищѣ какія льготы по рекрутской повинности. Татары были очень недовольны, что ихъ школы ставятся ни во что. Кромѣ того, въ Казани существуетъ нѣкое учрежденіе—миссіонерское общество, братство св. Гуріи. Религійныя этого общества распространяютъ безуспѣшно Христову вѣру среди татаръ при помощи исправниковъ.

Въ числѣ обратительныхъ и просвѣдательныхъ мѣръ въ послѣднее время выдано было приписывать къ церковнымъ приходамъ пѣнія татарскія деревни, если въ нихъ обитаютъ хоть одинъ христіанинъ. Эта мѣра, въ связи съ другими, при убѣжденіи, что отъ нашего правительства можно ожидать всего, и довела мусульманъ до открытаго сопротивленія властямъ. Если читатель припомнитъ, что половина населенія Казанской губерніи инородческая и третью этой половины—мусульмане, онъ не будетъ удивляться тому, что волненіе это растетъ очень быстро, что оно проникло уже и въ Бугульминскій уѣздъ Самарской губ. и охватило верхнюю часть Башкиріи.

Газеты, разумеется поневоль, глухо сообщали о мѣрахъ усмиренія возмущившихся; поэтому русскій читатель вѣроятно и не знаетъ, что быстро распространяющіяся волненія отчасти обусловлена была и самыми мѣрами, приятими противъ нихъ. Фантазія Скарятина не пошла дальше послѣдокъ военныхъ командъ и обозовъ съ розгами. Волосы становятся дыбомъ, при чтеніи писемъ объ этихъ кровавыхъ экзекуціяхъ! Количество засѣченныхъ до смерти еще не приведено въ извѣстность. Да это и трудно при такомъ обидѣ жертвъ. Невѣроятный, но истинный фактъ: магометанское населеніе двухъ уѣздовъ Чистопольскаго и Казанскаго перевероте поголовно. Губернаторъ Скарятинъ всенародно объявилъ татарамъ, что онъ обратитъ ихъ мечети въ отхожія мѣста. Какое употребленіе онъ обратитъ ихъ мечети изъ Корана, объ этомъ даже неудобно говорить въ печати. Г. Фриленъ, Мак-Гаханы и Гладстоны, гдѣ вы скрываетесь? Скоро-ли вы повѣдуете міру о новой Болгаріи и встрѣстаете русскихъ въ Россіи?

Поголовная экзекуція двухъ уѣздовъ не лишена нѣкоторыхъ инцидентовъ. Оказывается, что и въ поркѣ русское правительство избѣгаетъ всякихъ поводовъ къ смѣшенію сословій. Простыхъ мужиковъ, землепашцевъ, порокъ право на сибѣгу, зажиточныхъ, торгующихъ татаръ—на сундукахъ. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ рассказываетъ случай, отымающійся анекдотомъ; мы не привели его, если бы не знали корреспондента за челоука серьезнаго, неспособнаго шутить тайными вещами. Одною татарина шпорили демократическимъ способомъ, на сибѣгу. Выпоротый заявилъ, что онъ торгующій. Для удовлетворенія его самолюбія начальство перепоролло его на сундукѣ. Чисто восточная шуточка, не правда-ли?

Волненія впрочемъ не въ однихъ нашихъ старозавѣтныхъ областяхъ. Верхнюю Аджарю мы недавно благодѣтельствовали своимъ присоединеніемъ и она уже возстала.

Волненіе распространилось и на Батумъ. Жители города и окрестностей оказались недовольны тѣмъ, что съ нихъ за право продажи десятка плодовъ и овошей на вѣшемъ базарѣ русскіе освободители теряли пошлины и взятки за торговля свидѣтельства.

Очевидно, батумцы еще не знаютъ, что такое русскій портофранко.

— Мы начали нашу хроніку правительственными безобразіями—окончить ее приходится народнымъ бѣдствіемъ. Турки улачиваютъ намъ контрибуцію чумой. Откуда пошла къ намъ въ Россію чума? А помните прошлагодній загадочный тифъ въ закавказской арміи. Иностранныя газеты давно уже поговаривали, что въ русскихъ войскахъ чума; но патристическіе дубльцеры, сидя въ Петербургѣ, съ негодованіемъ отвергали зловѣщныя слухи западныхъ газетчи-

ровь, — и теперь мы вкушаем плоды патриотизма и нѣжной заботливости правительства.

Правительство и теперь не протъ поднадуе насъ своими сообщениями; и теперь пущенъ былъ въ ходъ фортель, что свирѣбствующая лихорадка въ Астраханской губ. болѣзнь — не чума, а какой-то тифъ, котораго никто никогда и нигдѣ не наблюдалъ въ формѣ эпидеміи; но сообщение доктора Денвера п 100% смертности показало всю несвоевременность такого утѣшенія. Плохо, точно также, утѣшаетъ публику и сообщение о томъ, что въ Царщинѣ нѣтъ эпидеміи. Скажемъ по секрету, что г. Маковъ самъ затребовалъ изъ Царщины усюконтельную телеграмму. Подлинность этой телеграммы настолько-же достоверна, какъ и искренность чувствъ въ вѣрноподавленныхъ адресахъ.

Шутки въ сторону, господа; бѣдствие слишкомъ серьезно, чтобы можно было усюконтелься на живыхъ сообщенияхъ нашего правительства. Германия и Австрія совокуно принимаютъ мѣры противъ русской чумы, а мы сидимъ и слушаемъ, какъ дуютъ Маковъ разводить бобы. Первое, что необходимо — это имѣть достоверныя свѣдѣнія о несчастіи. Для этого было бы необходимо отправить на мѣсто не правительственныхъ чиновниковъ, а частныхъ лицъ, на счетъ которыхъ не можетъ быть сомнѣній относительно ихъ честности и добросовѣстности. Они должны быть облечены правомъ требовать нужныя имъ свѣдѣнія, цифровыя и медицинскія данныя; администрація, подъ страхомъ тяжелой ответственности, должна предоставить указаннымъ лицамъ полную свободу дѣятельности. Ответы этихъ лицъ должны печататься во всѣхъ газетахъ безъ измѣненія, безъ всякаго контроля цензуры и издателей.

Если болѣзнь и ослабѣваетъ теперь — болѣе вѣроятно, что она усилится весной. Если общество не возьметъ дѣло въ свои руки, разныя карантинныя мѣры послужатъ только для обогащенія воровъ. „Голосъ“ отличающийся обыкновенно изобрѣтательностью и находчивостью, по поводу чумы, сдѣлалъ памлетиркъ молодежи, призывая ее помочь общественному бѣдствию своимъ обычнымъ самопожертвованіемъ. „Голосъ“ на этотъ разъ сказалъ правду: молодежь нигдѣ не оставалась на второмъ планѣ, въ тылу пионеровъ, когда заходила рѣчь о страданіяхъ народа. Дѣло только въ томъ, что несчастія умудрили молодежь опытомъ. Прошлая война и многія другія событія доказали ей, что она, догнбая массами, помогала не русскому народу, а казнокрадамъ, которые грабили солдатскій скаръ, солдатыя подводы и т. д. Она убѣдилась въ безопасности жертвъ, когда у честныхъ людей связаны и руки, и языкъ, когда приходится, вмѣсто добраго дѣла, смотреть, какъ гибнутъ сотни людей изъ-за прихоти какого-нибудь мерзавца, и гибнуть самому, не имѣя возможности помочь.

Къ какой это молодежи, между прочимъ, призываетъ „Голосъ“? Въдѣ то, что называется „русской молодежью“, гибнетъ не по днямъ, а по часамъ и безъ чумы. Административныя ссылки, политическіе суды и казачья плеть только и имѣютъ цѣлью выбить изъ молодежь „дури“, т. е. способность жертвовать собою для общаго блага, любовь къ дару и самостоятельности. Правительство наше не постыжилось ссылать за студенческую ссодку такихъ лицъ, какъ, напр., етуд. Гончаровъ, перенесшій два тифа въ дѣйствующей арміи и увезшій турецкую анхорадку, единственную награду за дѣятельность, въ Вятку.

По послѣднимъ извѣстіямъ 6 чел. медицинскихъ студентовъ уѣхала уже на чужу.

Ваше Величество, готовьте имъ мѣсто въ Восточной Сибири, если они, чего боже сохрани, вернутся живы и здоровы.

Чума много опаснѣе войны, а потому и молодежь, идущую на чужу, надобно наказывать строже.

Буйная и зловредная молодежь плетъ умирать отъ чумы, а люди народа, опора отечества и сочинители адресовъ приводятъ въ порядокъ свои дѣла и готовятся бѣжать отъ нея за границу. Консервативнымъ элементамъ такъ и подобаетъ поступать.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о чумѣ, считаемъ нужнымъ сообщить, что, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ зараженной мѣстности воцаряется кошмарный хаосъ. Известно уже нѣсколько примѣровъ обрабленія каравановъ вооруженной рукой.

ИЗЪЗА ГРАНИЦЫ.

По почину Германіи, почти всѣ континентальныя правительства объявили или готовятъ объявить социалистамъ открытую войну. Нельзя сказать, чтобы этой войны прежде вовсе не было: читавшіе иностранное обозрѣніе въ У т. „Впередъ“ знаютъ, какими мѣрами германская полиція и буржуазное общество старалось задерживать ростъ социаль-демократической пропаганды, какъ они преслѣдовали агитаторовъ, какъ подготавливали результаты выборовъ въ рейхстагъ. Но все это были мѣры „незаконныя“, война неправильная, какъ сказать, партизанская; теперь же полиція и ея добровольные помощники поступаютъ во всемъ „по закону“, а „по закону“ — всѣмъ

вѣдомо — лучше“, — это и Щедринъ подтверждаетъ. Закрытие общества и кружковъ, запрещеніе газетъ и книгъ, аресты, обыски, суды, въ видѣ чуть не Особого Присутствія, словомъ — Берлинъ усердно старается приблизиться къ Петербургу. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, Шуваковъ цѣлый мѣсяцъ жилъ въ германской столицѣ (во время конгресса): занимаясь рѣшеніемъ вопросовъ политикѣи внѣшней, онъ, конечно, преисполнѣнъ надлежащими соображеніями и по части политикѣи внутренней и усиливъ въ достаточной мѣрѣ познать имѣетъ съ теоріей и практикой III Отдѣленія. Заключаемъ такъ потому, что Бисмаркъ пресмычно усердно хлопочетъ о кандидатурѣ Шувакова на мѣсто Горчакова. Германскому канцлеру принадлежитъ грандіозный планъ — организовать для борьбы съ социалистами международное III Отдѣленіе, и онъ справедливо полагаетъ, что никто не можетъ оказать этому дѣлу столь существенныхъ услугъ, какъ бывший шефъ жандармовъ въ должности русскаго канцлера. О международно-политическихъ мѣрахъ въ послѣднее время стали серьезно говорить не въ одномъ только Берлинѣ; мадридскія, правительственныя газеты также стали усердно заниматься этимъ вопросомъ послѣ выстрѣла Монкусы. Поговариваютъ даже о коллективномъ давленіи державъ на Швейцарію съ цѣлью принудить ее отказаться въ убѣднѣ политическихъ эмигрантамъ. Впрочемъ, это — дѣло будущаго. Настоящее же представляетъ покуда только длинный рядъ отдѣльныхъ въ каждомъ государствѣ гоженій на социалистовъ.

— Первое мѣсто принадлежитъ, конечно, Германіи. Дѣйствіе закона противъ социалистовъ началось немедленно послѣ утвержденія его рейхстагомъ (9 октября): этотъ законъ исполняется съ истинношвейцарскою аккуратностью и тщательностью. Въ теченіе перваго мѣсяца закрыто уже 135 социалистическихъ (или заподозрѣнныхъ въ социализмѣ) обществъ и кружковъ; многія общества, желая спасти свое имущество отъ полицейскихъ рукъ, добровольно прекратили свое существованіе. Запрещено множество газетъ и болѣе сотни книгъ и брошюръ на разныхъ языкахъ (въ томъ числѣ: всѣ сочиненія Бебеля, Бракке и Моста, шесть сочиненій Лассаля, между прочимъ и „Васіа-Шуальце изъ Делича“, журналъ „Набатъ“, „Исторія Парижской Коммуны“ Артура Арну и мн. др.). Эти цифры, весьма краснорѣчивыя для страны, въ которой родилась свободная наука, ежедневно возрастаютъ. Трагива производятся очень дѣлательно, такъ что теперь въ Пруссіи не осталось уже ни одной легальной социалистической газеты, а въ другихъ мѣстностяхъ Германіи — всего 2—3. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ своемъ номонодномъ отчетѣ, заявляетъ, что вслѣдствіе энергичныхъ мѣропріятій, социаль-демократическая агитация въ Германіи почти совершенно прекратилась. Не слишкомъ-ли скоро? Известно, что тотчасъ-же послѣ запрещенія легальныхъ изданій начали работать тайныя станики и появилось довольно много изданій „цензурныхъ“ — брошюръ и газетъ. Обоимъ жалуются вѣрноподаваемые нѣмцы на ястохъ „Цианъ-Кали“, распространяемый во множествѣ экземпляровъ и непадано бичующій правительство и общество.

Въ теченіе того-же перваго мѣсяца въ одномъ Берлинѣ произведено, по словамъ газеты „Германія“, до 800 обысковъ — цифра невѣроятная, изумляющая даже насъ, людей, привыкшихъ къ титаническимъ подвигамъ полиціи. Въ этомъ отношеніи Берлинъ далеко оставляетъ за собою Петербургъ и Москву, потому что у насъ не наберется такого числа обысковъ и за цѣлый годъ. Разыскиваютъ и отбираютъ преимущественно запрещенныя вещи и книги, а также портреты Бебеля, Лассаля и другихъ вождей социаль-демократической партіи и старые номера социалистическихъ газетъ, теперь запрещенныхъ.

Наконецъ, съ пріѣздомъ императора, „въ видѣхъ его личной безопасности“, въ Берлинѣ введено „малое“ осадное положеніе, заключающееся, во первыхъ, въ томъ, что обывателямъ запрещено носить оружіе, и, во вторыхъ, въ томъ, что полиція предоставляется безграничное право высылать изъ столицы кого угодно, не взирая ни на какіе „права“ и „законы“. Пользуясь этой „свободой“, полиція уже выслала изъ Берлина болѣе 100 чел., въ томъ числѣ и двухъ депутатовъ: Гассельмана и Фритцше, не заботясь о томъ, что личность депутата по основному закону считается неприкосновенною. Въ настоящее-же время нѣкоторые изъ берлинскихъ газетъ сообщаютъ навѣрное, что и остальные семеро депутатовъ-социалистовъ, въ силу закона о „маломъ осадномъ положеніи“, будутъ высланы изъ Берлина немедленно, какъ только явятся туда, для присутствія въ рейхстагѣ.

— Процессъ по поводу „оскорбленія величества“ тянется нескончаемой вереницей; въ числѣ обвиняемыхъ находятся солдаты, танцовщицы, заводники, даже 12-лѣтній дѣти, во всего болѣе рабочихъ. Должно-быть, много злобы накопилось у нихъ на сердца, если, не смотря на тяжелую кару (до четырехъ лѣтъ тюрьмы), челохъ не можетъ удержаться, чтобы не помануть своего „добраго короля“ крикливымъ словцомъ!

— Свобода мысли, какъ принципъ общественной жизни, далеко еще не воцѣлъ въ плоть и кровь нѣтолько Германіи, но и болѣе

демократических государств. Свободная Швейцария, может быть под влиянием соседних государств, а может быть и по собственной инициативе, запретила издание газеты „Авангард“, замѣнявшей собою издававшуюся раньше „Бюллетень Юрской Федерации“. Ареной его распространения была главным образом Франция. На этот маленький листок давно уже точили зубы французские буржуа, и либеральная, демократическая Швейцария не постыдилась отнять у социалистов, в угоду соседям-лавошникам, последний способ высказывать свои мысли — путем потаенной прессы. Подобные факты, впрочем, случались в Швейцарии и раньше. Годы три тому назад Жуковский, Лефрансе и Томашо, выгнаны с несколькими другими лицами, издавали журнал „Коммуна“. Четыре тетради вышли благополучно, к пятой придралась полиция и поставила редакторам на выбор: или прекратить издание, или изменить заглавие. Пятый номер вышел без всякого заглавия, но без изменения содержания его. Примѣров подобных чисто юридических придиорок швейцарской полицией к социалистам много можно считать безчисленное множество. Напомним читателю позорное поведение бернской полицией во время празднования 18 марта в 1876 г. и еще более позорный процесс по поводу этого праздника, бывший в августе того же года.

— Интернациональные шпионы, с Бисмарком во главе, орудуют на Западѣ, русские обдѣлывают хорошия дѣла в ново-освобожденной Румынии. Один из прожигавших там русских, Кацъ, получил письмо, приглашавшее его явиться на одну из станцій желѣзной дороги, находящуюся вблизи русской границы. Кацъ отправился, прибыл на мѣсто и сломкомъ был схваченъ тутъ русскими жандармами: такимъ образомъ его выкрали. В настоящее время Кацъ, какъ трофей, привезенъ въ Петербургъ, гдѣ и сидитъ въ крѣпости. И послѣ такихъ предѣловъ еще находятся люди, упрекающие насъ за то, что мы пускаемъ в ходъ оружие противъ правительственныхъ агентовъ.

— Недавно газеты сообщали о результатѣ суда надъ 16 пражскими социалистами: изъ нихъ 13 приговорено къ двумъ, а 2 къ четырѣмъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

— Читателямъ извѣстны изъ русскихъ газетъ подробности варшавской казни Хуана Рамони Оливы и Монкуси, поэтому мы не будемъ распространяться объ ней. Мы должны здѣсь, кстати, извиниться передъ читателями, что за недостаткомъ мѣста мы снова принуждены отложить до слѣдующаго № изложеніе біографическихъ свѣдѣній объ этой замѣчательной личности.

— Хроникѣ мрачныхъ предѣловъ реакціи мы закончимъ фактомъ, дающимъ надежду на лучшее будущее. Франція, какъ кажется, возстаетъ отъ своего утомительнаго сна и снова становится во главе бойцевъ прогресса и революціи. Отставка Макъ-Магона, отказъ отъ президентства Дюфора, президентство Грессъ — все это пахнетъ общей амнистіей. Старые, испытанные бойцы революціи возвращаются изъ изгнанія, изъ ссылки и тюремъ. Фактъ этотъ не останется безъ влияния на ходъ событийъ Европы. Граждане, да здравствуетъ коммуна, да здравствуетъ социальная революція! Вотъ нашъ призывъ возвращающимся мученикамъ. Имъ мы и закончимъ нашу хроникѣ.

НА СВѢЖУЮ ВОДУ!

(извѣстія, запѣтки, слухи, курьезы.)

— 15-го января на извѣстной уже нашимъ читателямъ Новой Бумагопрядильнѣ было вывѣшено объявленіе объ исключеніи 44 ч. По ходившимъ среди рабочихъ слухамъ, это были „политически-неблагонадежные“ — бунтовщики, какъ ихъ называютъ начальство.

Объявленіе было вывѣшено утромъ, а въ 12 ч. дня ткацкое отдѣленіе фабрики уже прекратило работу, требуя отмены неслаханнаго распоряженія.

Кромѣ того, рабочіе потребовали сокращенія рабочаго дня на 2 1/4 ч., увеличенія заработной платы на 5 к. за кусокъ, уничтоженія штрафовъ за поломку машинъ во время производства работъ, арестованія рабочихъ депутатовъ при приемѣ сработанныхъ кусковъ в, наконецъ, изгнанія съ фабрики нѣсколькихъ ненавистныхъ рабочихъ мастеровъ и подмастерьевъ.

Призывъ являлся действителенъ: 16-го числа произошла забастовка на фабрикѣ Шагъ, 17-го — придильное отдѣленіе Н. Бумагопрядильнѣ присоединилось къ стачкѣ. Единое гнѣздо между рабочими волное, требованія вырабатываются сообща, въ пользу недостаточныхъ рабочихъ дѣлаются сборы.

Мы отмѣчаемъ до слѣдующаго № въ высшей степени интересныя подробности этой первой стачки, гдѣ рабочіе разныхъ фабрикъ дѣлываютъ сообща; въ настоящее же время, мы обращаемъ во всеобщее сочувствующимъ дѣлу борьбы рабочихъ съ начальствомъ съ приглашеніемъ оказать помощь денежными сборами въ пользу стачечниковъ.

— Вообще, въ послѣднее время является много поводовъ къ

заостренію неудовольствія рабочихъ. Такъ, напр., въ вагонной мастерской Главн. Общест., за Невской заставой, какъ насъ навѣщаютъ, съ поступленіемъ новаго управляющаго, стали особенно тѣснить рабочихъ: 15-го декабря было неожиданно расчитано 250 ч., и съ тѣхъ поръ почти для не проходить безъ новыхъ расчетовъ. Это сильно возбуждаетъ неудовольствіе рабочихъ. 13-го января администрація завода уже прямо смеленничала при расчетѣ, выдавши рабочимъ едва третью часть слѣдующихъ имъ денегъ — отъ 5 до 25 р. вмѣсто 20—50, а за тѣмъ было объявлено, что за отѣлку вагона будутъ платить вмѣсто 165 р. — 75 р., менше, тѣмъ вдвое!

— Предсѣдатель касс. деп. прав. сената, баронъ Торнау, былъ вынужденъ подать въ отставку, вслѣдствіе разоблаченій, сдѣланныхъ во время процесса Гулакъ-Артемовской. По отъѣду министра юст., баронъ Торнау дѣйствительно „пролезъ“ одно дѣло г-жи Артемовской „не безъ пристрастія“. Не мѣшало бы, однако, ради послѣдовательности, удалить отъ должности и самого г. министра.

Министръ юст. Набоковъ былъ долженъ г-жѣ К. 14 т. р. по заемному письму. Г-жа К. пыталась дѣло съ касс. деп. прав. сената, по поводу духовнаго завѣщанія ея мужа, и просила Набокова похлопотать о рѣшеніи дѣла въ ея пользу. Набоковъ похлопоталъ, и г-жа К. выиграла дѣло. Всѣгда затѣмъ, когда министру пришлось улаживать свой долгъ по заемному письму, онъ отдастъ г-жѣ К. только 10 т. р. Г-жа К. освѣдомилась, когда можно будетъ получить остальные 4 т. р. „Нужно же во что нибудь цѣпить и ходатайство“, отъѣзжалъ г-нъ министръ. Имѣя еще и другія дѣла въ сенатѣ, г-жа К., конечно, не рискнула возражать противъ основательности такого расужденія.

Увѣряютъ, однако, что, потерявши мѣсто, бар. Торнау не лишился монаршаго благоволенія. Этимъ онъ обязанъ своему „ежегоднѣйшему докладу“, поданному имъ по случаю стрихнувшихся надъ нимъ неизгоды. Здѣсь баронъ высказываетъ на видѣ, что наши судьи обнаруживаютъ постоянное стремленіе подкапывать государственную власть, въ лицѣ ея представительствъ; онъ же, бар. Торнау, наоборотъ, всегда стремился поддерживать авторитетъ власти и особенно по этой причинѣ не явился на судъ, но во время засѣданія нарочно отсутствовалъ по Невскому, дабы твердо установить передъ обществомъ свое личное отношеніе къ высочайшему монаршему милости, къ суду общественныхъ представителей. На этомъ интересномъ документѣ государь императоръ соизволилъ собственноручно начертать: „благодарю“.

— За послѣднее время правительство пытается вооружить войска противъ революціонеровъ, прибѣгая къ самымъ недобросовѣстнымъ выдумкамъ. Такъ, въ началѣ декабря г. гвардейскимъ офицеромъ сообщалось, что, по полученнымъ, будто бы, III Отд. свѣдѣніямъ, революціонеры намѣреваются перерѣзать всѣхъ офицеровъ гвардіи.

Намъ передавали также достоверный случай, какъ одинъ смѣшкъ, встрѣтившись съ какимъ-то офицеромъ, назвалъ социалистомъ и грозилъ, отъ имени послѣднихъ рѣзать, направленной противъ офицерства вообще. — Нечего и говорить, что все это самая наглая ложь. Русское правительство рѣшительно идетъ по стопамъ Наполеона III, съ его агентами-подстрекателями и ложью, возведенной въ принципъ.

— Во время безпорядковъ въ М. Х. А. въ газетахъ было помѣщено извѣстіе о самоубійствѣ капитана финляндскаго полка, Палина. Говорятъ, что это самоубійство было вызвано слѣдующими обстоятельствами. Командиръ полка приказалъ Палину вооруженной силой разогнать студентовъ. Палинъ отъѣзжалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать. Тогда командиръ сдѣлалъ предписаніе о преданіи его военному суду за ослушаніе. Не желая попасть на каторгу, Палинъ предпочелъ застрѣлиться.

— Говорятъ, будто 35 офицеровъ московскаго полка обращались не очень давно къ военному министру съ просьбой о разрѣшеніи устроить подписку въ пользу студентовъ, пострадавшихъ во время послѣднихъ волнений. Милютинъ, разумеется, отказалъ самымъ грубымъ образомъ.

— По поводу генерала Мацневича, обвиняемаго въ растратѣ покровныхъ сумъ, фельдмаршалъ Николай Николаевичъ Числовъ тоже рѣшился сказать свое слово и далъ похвальную аттестацію превосходѣйшему генералу и человеку. Кто въ союзѣ съ ворами и разбойниками? — спросимъ мы у гг. Краевскаго и Библасова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. — За недостаткомъ мѣста статьи помѣщенные въ содержаніи: „Съ донецкой каменноугольной желѣзной дороги“, „Правительственные документы“ и „Биографія“, не вошли въ этотъ №. Впредь содержаніе будетъ помѣняться въ концѣ №.

— Получено въ редакція: 6 р. отъ П., 2 р. 50 к. отъ Ш. К. С., 8 р. отъ III и 3 р. отъ гвард. офицера: — 40 р. на дѣло отъ III и 44 р. для передачи впрогавдѣту (передаю).

ОПЕЧАТКА. На стр. 7-й 1-го столб., 29-я строка сверху, напечатано: „Лжедмитрій“, вмѣсто „Лжеконстантино“.

Печ. въ „Петербургской Вольной Типографіи“ 23 января 1878.